

Академия наук СССР
Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ
И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тезисы конференции
Октябрь 1975 г. Москва

Выпук 3

ТВОРЧИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Посвящается
50-летию Карточки ДРС

Москва. 1975.

Академия наук СССР
Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ
И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тезисы конференции
Октябрь 1975 г. Москва

Выпуск 3

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Посвящается

50-летию Картотеки ДРС

Москва. 1975.

Редакторы: Г.А.Богатова,
В.Я.Дерягин

Академия наук СССР

© Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка

С о д е р ж а н и е

Выпуск 3

Ф.П.Филин (Москва). Проблема локализации древнерусской лексики и историческая лексикография	8
О.Н.Трубачев (Москва). Историческая и этимологическая лексикография. Праславянская лексика на <i>-d-</i> начальное	13
<u>Типы исторических словарей</u>	
В.С.Сорокин (Ленинград). Что такое исторический словарь?	20
Г.А.Богатова (Москва). История слова и русская историческая лексикография	23
Р.М.Цейтлин (Москва). О типах словарей первого письменного языка славян	32
Л.П.Жуковская. Словарь памятника письменности в его списках	35
Д.Г.Гринчичин (Львов). О типе Словаря древнеукраинского языка XIV-XV вв.	37
А.И.Куравский (Минск). Основные принципы подготовки Словаря старобелорусского языка	40
Н.Д.Русинов (Горький). О региональных словарях старорусской письменности	44
В.Е.Ушаков (Иошкар-Ола). Акцентологический словарь древнерусского языка XIV в. (принципы построения словарной статьи).....	47

P.В.Бахтурина (Москва). Словоуказатели к изданиям древнерусских памятников письменности различных эпох	51
O.В.Творогов (Ленинград). Словоуказатели как вид лексикографического труда	56
E.В.Чешко (Москва). Некоторые проблемы словоуказателя к изданию среднеболгарских текстов.....	57
<hr/>	
Вопросы лексикографической практики	
<hr/>	
T.А.Сумникова (Москва). Об обозначении сильных подчинительных связей глагола в историческом словаре	60
H.В.Чурмаева (Москва). О лексикографическом описании древнерусских обстоятельственных наречий...	62
B.Ф.Дубровина (Москва). Греческие оригиналы древнерусских памятников и исторический словарь XI-XIV вв.	68
B.Л.Виноградова (Москва). О подаче предлогов в словарях древнерусского языка	70
B.Л.Карлова (Львов). Словосочетание как объект исторической лексикографии	74
O.А.Черелакова (Ленинград). Варианты слов в лексикальной системе одного автора и их лексикографическая обработка	78
Э.Г.Пимчук (Москва). О потенциальных и оккремиональных словах в исторических словарях древнерусского языка	81

Т.Г.Казачонок (Минск). Принципы построения словарной статьи в историческом словаре (на материале памятников старобелорусской письменности)	3
И.М.Мальцева. Толкование слов в Словаре русского языка XVIII в.	5
Л.Л.Куткин (Ленинград). Лексическая сочетаемость в историческом словаре и ее роль в описании семантики и словоупотребления	9
Е.Э.Биржакова (Ленинград). Лексикографические источники и их использование в историческом словаре	12
В.В.Замкова (Ленинград). Источники словарей русского языка XVIII в. и их специфика. (Высокий слог и его отражение в исторических словарях различных типов.)	14
З.М.Петрова (Ленинград). Однокоренные разносуффиксальные прилагательные в Словаре русского языка XVIII в.	16
Г.М.Милейковская. Историческая перспектива при описании значения слова в Словарях Академии Российской (1789–1822 гг.)	20
Н.Я.Сердобинцев (Саратов). Лексика произведений научно-популярного жанра первой половины XVIII века	26

И. Г. Добродомов (Москва). Проблемы филологической дос- таверности слова в словарях	29
К. И. Ходова (Москва). О числе и роде старославянских существительных в связи с вопросом о границах слова	32
<hr/>	
50 лет Картотеке ДРС	
<hr/>	
<u>Источники, состав Картотеки ДРС</u>	
<hr/>	
С. П. Мордовина, Г. Я. Романова (Москва). Картотека ДРС и перспективы ее пополнения	39
А. С. Орешников (Москва). Картотека ДРС и вопросы хроно- логизации и исследования терминологии феодаль- ных отношений Древней Руси	44
О. В. Малкова (Москва). О словообразовательных средствах русской лексики (образования с приставкой вы- в Картотеке ДРС)	49
Г. П. Смолинская (Москва). Ономастическая лексика в Кар- тотеке ДРС	53
Г. Ф. Одинцов (Москва). Гипногическая лексика в Карто- теке ДРС	56
<hr/>	
Значение Картотеки ДРС для словарной работы и лингвистических исследований	
<hr/>	
В. А. Меркулова (Москва). Картотека ДРС и этимологичес- кие исследования	61
В. В. Иванов (Москва). Картотеки ДРС и СДР и истори- ческая морфология русского языка	64

Н.Б.Бахилла (Москва). Картотека ДРС как источник для исследований по исторической лексикологии ...	66
Н.П.Панкратова (Москва). Значение материалов Картотеки ДРС для исследования языка памятников	69
В.Н.Рогова (Красноярск). Использование материалов Картотеки ДРС при исследовании особенностей лексики произведений русских публицистов XVI в.	72
О.Н.Мораховская (Москва). Исследование по диалектной лексикологии и Картотека ДРС	74
В.Л.Виноградова (Москва). Картотеки ДРС и СДР и историко-лексикографическая работа	77

Ф.П.Филин

Проблема локализации древнерусской лексики и
историческая лексикография

I. Русский язык в своей основе един на всех своих уровнях, в том числе и в словарном составе, чем и объясняется свободное понимание друг друга в обиходной речи всех русских независимо от образования, местности, профессии и иных обстоятельств. В лексике любого местного говора подавляющее преобладание принадлежит общерусскому фонду, а локальные элементы имеют подчиненное значение. Однако, как известно, русский язык распространяется на громадной территории и количество его местных говоров (которые теперь исчезают) чрезвычайно велико, в связи с чем общая сумма лексических диалектизированных в нем весьма значительна. В сводном "Словаре русских народных говоров" будет представлено 150 - 200 тысяч диалектных слов, имеющих в своем распространении изоглоссы и не входящих в состав современного литературного языка. А если учитывать, что многие диалектные слова многозначны, а кроме того, образуют специфически локальные словосочетания и фразеологизмы, количество лексико-семантических и фразеологических особенностей местного распространения составляет сотни тысяч единиц. Это значительно превышает весь лексический состав общеупотребительного литературного языка (в самом большом словаре литературного языка - академическом семнадцатитомном - содержится сто двадцать тысяч слов). Только одно это

обстоятельство показывает, какое значение имеет исследование диалектной лексики для построения общей исторической лексикологии русского языка. Надо также учитывать историческую изменчивость границ между литературной и диалектной лексикой. Многие теперь литературные слова когда-то были локальными и, наоборот, современные диалектизмы имели общерусское распространение.

2. А сколько лексических диалектизмов было в древнерусском языке и какова была их роль в сфере общения? В недалеком прошлом нашей науки господствовало мнение, что лексических диалектизмов в древнерусскую эпоху было очень мало (они исчислялись единицами или десятками единиц) и что они обозначали, главным образом, чисто локальные реалии или были местными заимствованиями из родственных или неродственных языков. Исследования двух – трех последних десятков лет подорвали эти устойчивые, но наивные представления. Число обнаруживаемых лексических диалектизмов возрастает бурными темпами. Их значения оказываются весьма разнообразными. Сами диалектизмы относятся к словам всех частей речи и к разным типам словообразования. Сколько на самом деле было локальных особенностей древнерусской лексики, этого в точности мы никогда не узнаем. Однако, с уверенностью можно предположить, что их было значительно меньше, чем в русском языке XIX – XX вв., поскольку хорошо известно, что общий объем словарного состава русского языка о течении времени непрерывно возрастал, а, следовательно, имел место и рост всех его основных частей. Это во-первых, а во-вторых, доказано, что в XI – ХУ вв. усиливалось диалектное дробление, приведшее в XII – ХУ вв. к распаду древнерусского языка на близкородственные русский, украинский и белорусский языки и, стало быть, локализмов в древнерусской языке вообще было меньше, чем в позднейшее время. И все же локализмы эти были не незначительны. Можно полагать, что лексико-семантических диалектизмов было если не сотни тысяч, как в XIX – XX вв., то сотни и тысячи (а не

единицы или десятки единиц, как думали раньше). Часть из них была унаследована из праславянского состояния (такие локальные расщепленного), другая часть представляла собой локальные новообразования или локальные заимствования. Большинство лексических диалектизмов не нашло своего отражения в древнерусской письменности из-за ханровой ограниченности последней. Многие из них растворились в общерусском языке или исчезли и возможности их реконструкций близки к нулю. Все же восстановление какой-то части древнерусских лексических диалектизмов дело не безнадежное.

3. Реконструкция локальных особенностей прошлых эпох предполагает использование целого комплекса лингвистических методов, а также в определенных случаях данных сопредельных общественных и естественных наук. Когда речь идет о русском языке XVI – XIX вв., главное заключается в массовом обследовании письменных памятников, прежде всего тех, в которых в большей степени отразилась разговорная речь широких слоев населения (разные ханры так называемой деловой письменности, частная переписка, произведения демократической литературы и др.), и сопоставлении данных этого обследования с показаниями современных говоров. Все русские области XVI – XIX вв. богато представлены письменными памятниками, локально определенными. Имеются возможности нанесения этих памятников на карту и обследования их по тем или иным лексико-диалектологическим анкетам, в результате чего мы можем получить лексические карты типа карт современных лингвистических атласов. До составления лингвистических атласов русского языка XVI – XIX вв. у нас еще дело не дошло, но по отдельным словам и группам слов изоглоссы уже намечаются. Совпадение изоглосс XVI – XIX вв. с изоглоссами XIX – XX вв. (пусть не абсолютное, а в основных очертаниях) – более или менее надежная гарантия правильности установления диалектизмов начальной эпохи русского национального языка. Впрочем, в каждом конкретном случае следует учитывать действие историко-культурных

факторов (например, воздействия языка Москвы, а позже и Петербурга на периферийные говоры, которое может исказить объективную картину изоглосс в народной диалектной речи).

А как быть с локализацией лексики (и не только лексики) древних эпох? Существует мнение, что реконструкция локализмов XI – XУ вв. (а тем более дописьменной эпохи) в пределах одного (древнерусского) языка невозможна или почти невозможна, поскольку количество письменных памятников (особенно близких к разговорной речи) резко уменьшается, географически распределены они очень неравномерно, а из некоторых древнерусских земель до нас вовсе не дошло никаких письменных документов. Безусловно, указанное обстоятельство крайне осложняет дело. Переносить современные географические границы диалектной лексики (пусть несомненно древней по своему происхождению) в древнерусское и тем более праславянское время (что наблюдается в исследовательской практике) без должного учета всей истории слова означает вводить в заблуждение себя и своих читателей. И все же дело обстоит не так уж безнадежно. Несмотря на большие пробелы, имеющиеся в географическом распространении домедиев до нас письменных памятников XI – X У вв. и книжного характера большинства их, накладывающего отпечаток стандартности на их лексику, тщательное сравнительное сопоставление языка письменных документов позволяет выявлять некоторое количество разнообразных по значению и типам словообразования возможных локализмов. Приблизительное совпадение границ этих локализмов с границами в современных говорах и языке XVI – XУ вв. создает уверенность, что наши предположения правильны. Так было установлено, что северорусское цоканье существовало на севере по крайней мере уже в XI в. (на самом деле раньше). Такие же результаты получены и в определении некоторых древнерусских лексических локализмов. Конечно, эти результаты никогда нельзя считать окончательными: обнаружение новых фактов может внести в них серьезные корректизы.

А возможна ли реконструкция древних диалектизмов в тех

случаях, когда они вовсе не представлены в памятниках древнерусской письменности или фиксируются только в поздних документах? Возможность эта существует, когда есть основания опираться на историю языка, данные сравнительно-исторического языкознания и показания иных исторических дисциплин. Например, слово с о п к а - в современном литературном языке 'небольшая гора с округлой вершиной (чаще в Сибири, на Дальнем Востоке)', 'вулкан на Камчатке', а в североизвестийских говорах 'древняя могильная насыпь окружной формы' - в древнерусской письменности отсутствует. Между тем, современная археология устанавливает древние языческие захоронения - курганы определенной формы на территории словен и кривичей, восходящие по крайней мере к IX в., которые кине заменяются захоронениями иных типов. В современных говорах граница значения этого слова 'могильная насыпь' поразительно совпадает с древней землей словен и отчасти кривичей (Ф.П.Филин. Диалектологический атлас русского языка. "Известия АН СССР. ОЛЯ", № 2, 1940, стр. 119-126).

Такое совпадение нельзя считать случайностью. Слово с ъ п ь, с ъ п ь к а 'могильная насыпь' в эпоху язычества существовало в древнерусском языке как лексический (североизвестийский) диалектизм. Значения 'холм', 'вулкан' позднейшие, они были занесены на север и за Урал колонизационными потоками населения из Новгородской земли и лишь сравнительно недавно вошли в состав литературного языка. На североизвестийские захоронения сменились раннехристианскими могильниками - хальниками (ж а л ь, ж а л ь н и к также сохранились в современных новгородских, ленинградских, архангельских и некоторых других северновеликорусских говорах. СРНГ, вып.9).

Возьмем другой пример. Слово с о л о м я 'пролив, проток между двумя островами' в северорусской (только в северорусской!). письменности встречается лишь с конца XIV в. (самая ранняя фиксация в Обводной межевой грамоте 1391 г.). Однако, оно несомненно существовало в древнерусском языке

как лексический диалектизм еще в УП - IX вв., когда первое полигласие было действующим фонетическим законом (западно-финск. *valmi* > др.рус. с о л о м я). Позднее вторичное заимствование, когда известная метатеза с корневыми плавными согласными и образование полигласия перестали существовать, уже представлено в севернорусской письменности XI - XIII вв. и современных архангельских говорах в виде с а х и а (в том же значении). Таких примеров можно было бы привести много. Чем обширнее сфера сравнения и чем больше прямых и косвенных свидетельств исторического характера, тем больше возможностей реконструкции древних локализмов. Современное сравнительно-историческое языкознание позволяет восстанавливать некоторые слои локализмов праславянской и праиндоевропейской эпох. Конечно, эти реконструкции всегда или почти всегда более или менее гипотетичны.

4. В историко-лексикологических работах, в частности, в локализации древнерусской лексики, большая роль принадлежит словарям и особенно словарным картотекам. Видное место среди картотек занимает картотека "Словаря русского языка XI - XIII вв.", пятидесятилетие основания которой посвящена настоящая конференция. Эту картотеку следует всемерно подолгать. Особое внимание нужно обратить на выборку материалов из памятников, представляющих все регионы страны и более всего отражающих живую разговорную речь прошлых эпох. Специфическую лексику церковнославянского языка тоже нужно интенсивно исследовать, но это уже задача иного рода.

О.Н.Трубачев

Историческая и этимологическая лексикография.

Праславянская лексика на d- начальное.

Этимологическая лексикография утверждается как самостоятельный вид исследования. Ее задачи различны для языков с длительной или склонной письменной традицией (например, от латинского к романским) и для языков, не имевших склонной

письменной истории (например, от праславянского к славянским языкам), но эти различия не принципиальны. Краеугольное оперативное понятие этимологии и этимологического словаря — реконструкция, и в этом состоит их отличие от истории и исторического словаря. Ошибочно думать, что единственная сфера реконструкции — дописьеменный период; самая богатая письменная история (романские языки) не исключает реконструкцию, не может ее заменить и далеко не всегда облегчает ее. В принципе уместно использование реконструкции при изучении современного словообразования и жизни слов. Поэтому неверно провозглашаемое отдельными лингвистами (Ф.Славский, F. de Tollenaege) положение, согласно которому идеал этимологического словаря есть исторический словарь.

Этимологический словарь славянских языков должен выполнять не только специальные задачи славянского этимологического исследования, хотя эти задачи принадлежат к числу важнейших, ср. также ниже.

От него следует ожидать также ряд важных свидетельств по очень широкому кругу не собственно этимологических проблем — по сравнительно-историческому языкознанию, истории слов и их групп в славянских языках, по общим вопросам лексикографии. Ниже следующие тезисы отражают попытку формулировки некоторых свидетельств такого рода на материале одного отрезка этимологического словаря славянских языков — праславянской лексики на *d* — начальное.

Эта буква выбрана отчасти потому, что над ней как раз ведется работа в настоящее время, отчасти же потому, что она объединяет довольно типичный для славянских языков лексический материал (наряду с богатой старой корневой лексикой на *d* — начальное, сюда входит и важная модель сложений с приставкой *do-*), сама "буква" (или словарная рубрика) *d* — в плане исторической фонетики относится скорее к архаизмам (точнее сказать, "преобразованным архаизмам" в духе славянской эволюции, например слав. *d* < и.-е. *dh*), а не к новооб-

разованиями вроде славянских именных и вторичных свойственных (с<к; с<к' и т.д.).

I. Судьба индоевропейских архаизмов в славянском.

По свидетельству этимологизируемого славянского лексикона на *d*- начальное, славянский обнаруживает примеры идеального сохранения целых комплексов индоевропейских именных отношений вплоть до современных живых славянских языков. Так, не только праслав. *dervō - *drъvo, но и пара русских слов дерево - дрова во всем существенном сохраняют отношения пары и.-е. *dегом - *drъгом и наилучшим образом иллюстрируют известную теорию двух состояний индоевропейского корня: и.-е. I *d^h-д- (полный корень + нулевой суффикс) и и.-е. II *d^h-д- (нулевой корень + полный суффикс). В других, в том числе древних индоевропейских языках общая картина размыта, уцелели фрагменты (напр. греческий не сохранил древнюю ступень -е-: бόρυ 'копье, древко').

Вместе с тем изучение индоевропейских архаизмов в славянском должно вестись с полным сознанием всей сложности проблематики, всякая прямолинейность здесь может обернуться упрощением и искашением реальной картины. Мы считаем, что такая угрова существует в сложившейся традиции выявления следов древней именной гетероклизы в славянском. Вполне возможно, например, что слав. *дагъ продолжает древнюю -г/п- парадигму и.-е. *d^hg/p-,ср.греч. δῶρον, лат. dōlum 'дар' (при этом смыщает, правда, факт присоединения элементов -г-, -п- к одной и той же ступени вокализма корня, почему в этих элементах можно было бы видеть словообразовательные аффиксы; что касается гетероклизы, вряд ли верно сводить ее к -г/п- исходу, она обычно идет глубже и затрагивает - в подлинных случаях - характер инлаута основы). Но было бы неосмотрительно относить сюда же все славянские примеры на -п-, так как *danъkъ ведет себя как *datъkъ, т.е. восходит к регулярному причастию прош.страд. на -п-. Эти оговорки можно распространить и на

слав. *dansъ.

2. Исчезающие основы и формы в славянском.

В славянском прямо не сохранился глагол *dizati (есть только послеметатезное *zъdati), но о его древнем наличии свидетельствует производное имя *dѣха в дометатезной форме. Курьезно, что на основе такой утраты глагольной лексики в славянском слависты иногда прямо заключают о замещении изолированных славянских производных имен, скажем, из балтийского, если там производящий глагол сохраняется,ср. лит. riūkti 'собирать' – rankâ 'рука' при слов. *г҃ока (глагол не сохранился). Ниже мы покажем прямо противоположные свидетельства славянских слов на d- (п.5). В славянском имеется перестроенное *ъegt'i, но о реальном существовании более раннего *degt'i говорит целый ряд производных и соотносительных (*daglъ, *dagnѣti, *degna, *degatъ). Только по продолжениям (*obdegati) можно судить о существовании в древности славянского глагола *degt'i, производящего для имени *doga.

3. Славянские инновации.

С предыдущими двумя положениями, посвященными архаизмам, тесно связана концепция славянских инноваций. Есть основания думать, что связь между этими, казалось, противоположными явлениями недооценивает. Мы усматриваем здесь теснейшее переплетение; славянское историческое словообразование (читай: этимология) и морфология пронизаны этими архаизмами-инновациями вроде отступающего архаизма *DERTI и инновационного *dѣrati (инновация, поскольку глагол на -ati регулярного вида, и архаизм, поскольку аористная основа в роли инфинитива!).

4. Семантико-словообразовательное функционирование лексического гнезда и выбор этимологии в дилеммной ситуации.

Обширное гнездо глагольно-именной лексики *divati,

*divēti, *diviti , *divo , *divъ с обобщенными значениями 'смотреть', 'удивляться', 'дикий'; 'диковина'; 'уродство' и родственными связями с *dikъ , а также производным сложением *div-окъ '(именний) дикий вид/загляд' (чеш. divoký 'дикий'), ср. *divъ и *око , а также однотипные сложения *vīg-окъ , *vys-окъ и т.п., непротиворечиво объясняется только из и.-е. *dh1- 'наблюдать , смотреть определенным образом', а не из и.-е. *dei-ц- 'свет', 'божество'. В связи с этим отводятся обяснения слов. *divъ ≠ лат.*dīvus ; слов. *divъна = лат. dīvinus .

5. О характере балто-славянских отношений.

Общим местом балто-славянских исследий (при всем возможном различии последних) является мнение о консервативном характере балтийских языков. Если взять такую актуальную проблему истории и этимологии этих языков, как отношения производящей и производной основ на материале глаголов и имен, приходится наблюдать очевидную тенденцию (или рутину?) выделять случаи более комплектной сохранности обоих эвеньев в балтийских языках, в отличие от славянских, ср. выше пример с названиями руки и производящим глаголом. Интерес представляют поэтому весьма регулярные (ограниченные только д- начальным) примеры обратного, когда с балтийской стороны, напротив, наблюдается лакуны и вторичное состояние, а славянские пары комплектны. Вот случаи большего архаизма славянского лексического материала в описанном плане:

слав. *desiti	→	*desnъ
балт.(лит.) Ø	→	dēšinas
слав. *dělъ	→	*děliti
балт.(лит.) Ø	→	dailyti
слав. *dálb(a)ti	→	*dolba
балт.(лит.) Ø	→	dálba

6. Новые этимологии.

Постоянную функцию и немаленно актуальную задачу этимо-

логического словаря славянских языков – поиски и установление этимологий, особенно для лексики, удовлетворительно не объясненной или не объясненной совсем – проиллюстрируем несколькими примерами из лексики из д-, конкретно – из русской, древнерусской и русско-церковнославянской лексики.

В практике работы над славянским этимологическим словарем замечено, что правильное соотнесение форм славянских языков нередко предрывает правильную этимологию еще до обращения к собственно этимологии, т.е. к реконструкции. Полемизируя с И.Садник и Р.Айцетшпером, словарь которых принципиально задуман как безбрежный поток материала в виде аморфных статей-гнезд, мы исходим из принципа, что расположение материала есть уже половина методологии.

Для выяснения этимологии древнерусского слова д е р ʌ х-д ɪ е , д е р я х д ɪ е показалось достаточным сопоставить его со ст.-чеш. *deryždie* 'сухой хворост', чеш.-диал. *deraždī* 'хворост'. Что касается др.-русск. д е р ʌ х д ɪ е , то у нас в распоряжении одна (впрочем, довольно емкая, как увидим ниже) цитата из Ипатьевской летописи под 1251 г.: Даниль говорить ятвагамъ: о муки воинстии! не ѿсте ли, яко крестьяномъ пространство есть крѣость, поганъ же есть тѣснота; держдѣа обычай есть на брань. Мы переводим это место следующим образом: "... разве вы не знаете, что для христиан крепость – простор, а для язычников – теснота; связка хворосту – это по обычаям сигнал к битве?" Здесь, правда, не обойтись без привлечения историко-культурных данных. Противопоставление просторно живущих славянских земледельцев-христиан и скрывающихся в тесноте лесов балтийских язычников-ятвягов князь Даниил употребил со знанием дела, ибо в заключение он упоминает распространенный, по-видимому, тогда способ срочной мобилизации разбросанного живущего населения: молниеносно передаваемый от соседа к соседу пучок-держдѣа, ср. старо-польское *wic* 'пучок, связка' с абсолютно той же функцией призыва к боевой готовности. Более отдаленные культурные аналогии связки прутьев

как символа власти могут быть указаны на примере лат. *fascis*.

Единственный известный нам пример на слово д е р я ж - д ь е (Срезневский I, 655) сообщает этому слову статус гапакса со всеми вытекающими отсюда негативными для исторического словаря последствиями: так, Срезневский воздерживается от толкования слова, оставляя его (или, точнее, его значение) под знаком вопроса.

Здесь наступает очередь реконструкции, применяемой нами в виде соположения близких слов из других славянских языков и условного восстановления собственного значения слова, в опоре, разумеется, на контекст (в узком смысле – цитату, в широком смысле – на культурный контекст, ср. выше). Так, при всем богатстве древнерусской письменной традиции, удается восстановить некий частный фрагмент истории культуры лишь через призму такого, казалось, случайного явления как леком-ческий гапакс и его этимологические связи.

Русское диалектное д ё к о в а т ь с я, д ё к а т ь с я, ‘развиться, насмехаться и т.д.’, пропущенное в словарях Бернекера и Фасмера обнаруживает древние связи и словообразовательные особенности: общее с лат. *facio*, *fēcī* расширение -k- индоевропейской основы *dhē-‘делать’. Для углубления исторической перспективы собственно русского материала укажем, что сюда же следует отнести др.-русск. дъканик *мачік* (Мо. Злат. XIV в., Срезневский I, 784). Здесь тоже довольно явственно выступает историческая функция этимологии.

Т и п ы и с т о р и ч е с к и х с л о в а� й

В.С.Сорокин.

Что такое исторический словарь?

1. Определение исторического словаря как словаря, обращенного к памятникам прошлого, к какому-либо из прошлых языковых состояний, разрабатываемому определенный круг несовременных источников, часто встречающееся в лингвистической литературе последних лет, не отвечает современной логической структуре понятия "историческое". Это определение соотносимо скорее с понятием хронизм, чем историзм. Ибо историзм в описании языковых фактов предполагает не столько особый объект (прошлое языковое состояние), сколько сам подход к объекту: выдвижение идеи последовательного и закономерного изменения и развития.

2. Подобное требование, предъявляемое к описанию в каждом историческом словаре (на материале прошлых эпох, и даже современности), преломляется различно в зависимости от того, выделяет ли словарь для описания одно историческое языковое состояние или он охватывает несколько таких состояний (ряд звеньев диахронической цепи). Этот момент формирует существенное противопоставление в кругу собственно исторических словарей.

3. Специфической особенностью словарей первого типа

(одно языковое состояние) является то, что перед ними возникает проблема совмещения описания системной организации лексических элементов с характеристикой динамики в пределах системно организованных групп лексики (синхрония в диахронии). Словари второго рода (ряд языковых состояний) имеют дело с собственно диахроническим описанием.

4. С решением вопроса о едином языковом состоянии, опиравшемся на внутреннюю логику развития языка и внешние языку историко-культурные ориентиры, связано определение хронологических рамок словаря. При этом оценивается, с одной стороны, степень динамичности языка эпохи, а с другой — наличие устойчивых участков системы в пределах выдвинутых хронологических рубежей. Для словарей, ориентированных на ряд языковых эпох, встает проблема фронтальных противопоставлений в области истории языка (язык народности — язык нации и т.п.).

5. Языковая специфика историко-лексикологического развития на выделенном для описания этапе (отношение кодифицированных и некодифицированных форм языка, функциональный узус, жанрово-стилистическая дифференциация и стилистический узус, социальная стратификация словаря и социально-групповые узусы в их взаимодействии) определяет отбор источников и формирование словарника. Движение нормы в области лексики и словоупотребления, являющееся результатом взаимодействия ряда языковых тенденций, исторический словарь общего типа может регистрировать лишь при фронтальном охвате в сех типов и оточнико, существенных для данного периода.

6. Особенности формирования словарика исторического словаря теснее всего связаны с временной отдаленностью описываемого языкового периода. Чем древнее этот период, чем менее круг источников, документирующих его, тем более его словарик будет стремиться к словнику тезауруса. Для эпох непосредственно смыкающихся с новым временем неизбежно обращение к дифференциальному принципу формирования словарика. При этом должны учитываться: а) специфика таких лексических общностей,

как ономастика и топонимики; б) специфика определенных групп источников, отражающих особенности социальной, профессиональной, территориальной стратификации словаря, порождающая проблему специального, группового и общего в словаре; в) специфика письменных источников словаря, текстов, как речевых произведений, отражающих равно общее и – индивидуальное или окказиональное (в словообразовательном или семантическом плане) в словаре и словоупотреблении. По отношению к ономастике, топонимики, а также специальному, областному, окказиональному и индивидуальному в лексике и словоупотреблении возникает проблема ограничения и отбора.

Но по сравнению со словарями современных литературных словарей в исторических словарях снимается целый ряд нормативно-стилистических ограничений. С другой стороны – вводятся ограничения, относящиеся к разряду потенциальных слов. Для исторического словаря невозможно заполнение "пустых клеток", если слово, потенциально возможное, не фиксировано источником.

7. Центральными вопросами лексикографического описания, проводящими водораздел между историческими словарями разных типов, с одной стороны, и словарями не историческими, с другой, следует считать: а) вопрос о границе слова (состнение слова и словосочетания, идентификация вариантов слова, омонимы); б) семантическая характеристика слова (семантические единицы и семантические структуры в историческом аспекте, порядок значений, "слабые звенья" семантической системы и направление семантической эволюции, уровень фиксации семантического сдвига); в) характеристика речевой употребительности (вопрос о возможности стилистических квалификаций в историческом словаре; характеристики качественные и количественные: характеристики динамические).

История слова и русская историческая лексикография.

1. Внимание к истокам русской духовной и материальной культуры, к древним обычаям, социальным формам жизни общества, к памятникам письменности неизменно выливалось в интерес к русскому слову, к его истории, к особенностям его употребления в письменности разных жанров, разных территорий, разных периодов. Начиная с древнейших заметок на полях рукописей по поводу значения тех или иных слов, с первых попыток их систематизации в гlosсарии, лексиконы и алфавиты русское слово воспринималось как объект, хранящий в себе следы истории - реальной, семантической, словообразовательной.

2. Стремление к дифференциации лексики, к описанию отдельных ее пластов, где историческая окраинность чувствовалась ярче, в специальных исследованиях и словарях (Словарь русских суеверий, 1782, Родословный российский словарь, 1793 "Историческое описание одеянья и вооружения российских войск" 1841-1842 гг. и др.) характерно для работ историков и этнографов конца XVIII - начала XIX в. Они сделали много для появления самой идеи исторического словаря, для выработки лексикографических традиций этого жанра, утверждения в лексикографии XIX в. таких типов, как словарь древности (например, получившее высокую оценку современников Описание старинных русских утварей, одеял, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположение, П.И.Саввацова, 1896), историко-терминологический словарь (например, Словарь терминов ювелирного дела в России от древних времен до середины XIX в., 1846, Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка Юго-Западной России, 1871-1872 и др.). Составление историко-терминологических словарей становится традиционным для исторической науки (Ср.: Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской правде

П.Н.Мрочека-Дровдовского, 1917 и др.). По типу словарной статьи, прежде всего дефиниции слова, это словари энциклопедические (толковые, объяснительные), чаще всего дифференциально учитывающие лишь терминологические употребление слова. Любопытен вышедший в 1970 г. в США Словарь русских исторических терминов от XI столетия до 1917 года, составленный С.Г.Пумкаревым. Он предназначен для англоязычного читателя, работающего с русскими и английскими источниками по русской истории, пользуется энциклопедическими определениями (по Брокгаузу и Ефрону) и определениями, почерпнутыми из трудов советских и зарубежных историков, предпочитает конкретную лексику (блеститель, ближик, бобыль, бочка, богдан, богохульник, богомолец, боярин, большевики, братанич ... бунд, бурмистр, бутылка), "не включает также абстрактные понятия как национальность, соборность". Цитатной документации в словарной статье нет.

Особым построением отличаются словарные статьи такого жанра словарей - справочников, как материалы для словаря терминов, преследующие цель собрать все известные контексты употребления слова или дать читателю-специалисту указание на контекст, содержащий этот термин. (Материалы для терминологического словаря древней Руси Г.Е.Кочина, 1937, Materiały do Słownika terminów budownictwa staroruskiego X - XV w., A.Поппе, 1962 и др.). Имеют распространение также обьяснительные словари-комментарии, собирающие воедино в тексте словарной статьи все существующие точки зрения на определение термина. Историк, биографию слова такие словари не воссоздают.

3. Работы филологов в области лексикологии и лексикографии конца XIX - начала XIX в., периода общего подъема русского национального самосознания, стремились привести в известность весь активный и пассивный (исторический) запас литературной лексики, строились на осознании системного

подхода к лексическим богатствам языка (Словарь Академии Российской со словоизводным размещением материала, 1789–1794), а иногда и на убеждении, что словарь это полное систематическое описание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа. Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847 включал лексику не только "нынешнего русского", но и "старинного русского" и "церковно-славянского языков", охватывая период "от первых письменных памятников до позднейших проявлений словесности". Опыт этого словаря, однако, убеждает даже его современников в том, что "нельзя в одном труде соединять ... все периоды исторического развития языка" (И.И.Срезневский). Необходимость ограничения исторической лексикографии, имеющей свою особую задачу, становится очевидной. "Общий", "полный" филологический словарь на базе памятников письменности должен обладать "полной ^{ст.} внешней, заключающейся в количестве слов", какие может собрать составитель, "не думая об их относительной ценности". Они "все одинаково для него важны, и тем важнее, чем менее могут быть поняты" (И.И.Срезневский). Основная задача состоит в тщательности подготовки базы словаря, источниковедческой работе, предварительной лексикографической обработке (словарь, словоуказатель) отдельных памятников, продуманной системе извлечения и хранения материала памятника письменности. Все эти компоненты и сейчас являются неотъемлемой частью работы по созданию словаря памятников письменности.

4. Русская историческая лексикография начала складыватьсь как самостоятельная область лексикографии, имеющая свои общефилологические и специфические задачи в конце XIX – начале XX в. Конец XIX в. можно считать периодом, когда трудами филологов (И.И.Срезневского, В.И.Даля, А.Диверну) создавалась база для историко-лексикографической работы. В течение 40 лет И.И.Срезневский продолжал пристальное изучение памятников письменности, сбор материалов "I) для палеографического обозрения памятников древней Русской письменности" и

одновременно "2) для Русского словаря преимущественно по этим памятникам" "Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным источникам" И.И.Срезневского издавались почти 22 года (1890-1912). Это уникальный по своей обширной базе труд. Около 39 тысяч словарных статей обильно документированы выписками из памятников письменности (всего их около 120 000), расположенным в каждой словарной статье в хронологическом порядке. С предельной для своего времени полнотой смог И.И.Срезневский отразить словарный состав языка русской письменности XI-XIV вв.

Явлением по-своему значительным была публикация в 1894 г. Материалов для словаря древнерусского языка А.Л.Дивернуа. Базой для этого словаря послужили документы Московской Руси XII - XIII вв. (19 памятников). В словаре 6 000 слов, все они снабжены латинскими толкованиями. Публикация Материалов для словаря древнерусского языка И.И.Срезневского и А.Л.Дивернуа впервые ввела в научный оборот лексику письменных памятников XII - XIII вв., дала первое представление о лексическом фонде русского языка этих периодов. Даже незавершенность лексикографической обработки фонда не умаляет значимости Материалов как первой попытки создания общефилологического словаря исторического жанра.

5. Словарная статья Материалов для словаря древнерусского языка воссоздавала старый период в биографии слова, отмечала черты его семантики по данным ранних памятников письменности. Перечисление этих черт (рубрики значений словарной статьи не имеют нумерации) намечало, но не предопределяло ту или иную последовательность в развитии семантики слова. Строгая хронологичность в подаче иллюстративного материала внутри рубрик, в подаче вариантов слова не могла быть распространена на семантическую схему слова с той же последовательностью в силу объективной фрагментарности свидетельств памятников письменности, ограниченности круга, жанра памятников и периода наблюдения. И.И.Срезневский искал пути

преодоления этих трудностей в полноте словарника общефилологического словаря через привлечение для выписок всех типов источников русской письменности и в возможностях реконструкции и комментирования в пределах словарной статьи. Следующий шаг в развитии исторической лексикографии и должен был состоять в поисках путей преодоления этих объективных трудностей.

6. В 20 – 40 гг. ХХ в. разработка идеи исторического общефилологического словаря была связана с именами А.И.Соболевского, Б.А.Ларина и Л.В.Щербы и получила в их теоретических трудах и практической деятельности дальнейшее развитие. А.И.Соболевский, а затем и Б.А.Ларин пошли по пути расширения периода наблюдения над историей слова. Занижнюю границу был принят XI в., время появления первых памятников письменности, за верхнюю – XVI в., век начала работы со словом русской академической лексикографии.

Преодоление фрагментарности письменных свидетельств, т.е. забота о полноте словарника осуществлялись через привлечение для выписок широкого круга источников разного жанра, разных территорий. Составители Картотеки Древнерусского словаря (ДРС) понимали, что для словаря, построенного на фрагментарных (даже при сплошном расписывании) данных памятников письменности, важна полнота корневой группы, гнездовой фон слова, обеспечивающий объективность семантических решений, важна широкая представленность слова памятниками разных жанров (предпочтительнее не церковного назначения) с тем, чтобы контекстуальная обусловленность значения не искахала семантического рисунка слова. Б.А.Ларин и его сотрудники для пополнения Картотеки ДРС "привлекли тексты, в которых нашел отражение народно-обыденный, деловой язык, а также языки средневековой поэзии (песни, заговоры, пословицы, поговорки)"

Использовались в качестве источника древнерусские лексикографические труды (алфавиты и азбуковники, лексиконы), фоновый материал к гнезду давали выписки из поздних словариков и древним памятникам письменности, из областных словарей.

В Проекте древнерусского словаря, 1936 предполагалось найти пути "к раскрытию историко-языкового процесса во всей конкретности - в теснейшей связи с социальными отношениями и базой материальной культуры". Предполагалось "обогащение ДРС реально-историческими комментариями", данными диалектологии, ибо "без диалектологических материалов нельзя дать правильного и сколько-нибудь полного представления и об истории слов в разных классах общества, нельзя дать исторической перспективы и динамического изображения развития значений полисемантических слов".

"В таком синтезе узко-филологического словаря с историко-терминологическим и со словарем культурных реалий" видит Б.А.Ларин "новый этап в области исторической лексикографии".

В эти годы разрабатывается и теоретическая модель исторического словаря, который Л.В.Щерба (участник работ по составлению Картотеки и член редколлегии словаря) представлял, как известно, следующим образом: "Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение ... Вопрос осложняется еще тем, что слова каждого языка образуют систему ... и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы; следовательно, исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом. Как это сделать, однако, неизвестно, так как самый вопрос как будто еще не ставился в полный рост"(Л.В.Щерба, 1940).

Первые попытки лексикографической обработки накопленных материалов (Пробный набор. Словарь древнерусского языка, Л., 1941, Исторический словарь русского языка XI - XIX вв., Л., 1946) показали, что словарь, осложненный множественностью задач и стремлением полно, как в Материалах И.И.Срезневского, документировать историю слова по такому большому периоду

грозит вырасти в научно неосуществимое при жизни одного поколения предприятие. Более того, располагая накопленными в течение десятилетий материалами такой богатой письменности, как русская, невозможно решить все задачи в рамках одного словаря. Они могут быть решены лишь путем создания различных типов словарей исторического жанра. Должны быть созданы общефилологические сводные (полные) и региональные словари, словари отдельных периодов, отдельных жанров, отдельных памятников письменности, словарь-реконструкция языка, прежде чем можно будет приступить к осуществлению ретроспективного исторического словаря современного русского языка (Р.И.Аванесов), или исторического словаря русского языка (Л.В.Мерба).

7. В первую очередь необходимо инвентаризировать лексику русского языка в его многовековой засвидетельствованной памятниками письменности истории. Такой словарь для русского языка пока принципиально не может быть тезаурусом. Именно на тезаурус ориентируется историческая лексикография тех славянских стран, где инвентаризация письменных источников уже завершена. Для русской письменности эта работа далека от завершения.

Речь может идти лишь о создании полного свода лексико-фразеологических средств русского языка на основе Картотеки ДРС XI – ХУП вв., пятидесятилетие которой мы отмечаем в этом году.

Словарь русского языка XI – ХУП вв. (Отв.ред. С.Г.Бархударов, Ред.Г.А.Богатова) и ставит перед собой задачу зафиксировать с возможной на сегодняшний день полнотой лексику и основные значения слова, наметить в словарной статье контуры истории слова.

Научная значимость этой скромной задачи достаточно велика.

Словарь создает новую материальную базу, на которую могут опереться исследования по истории русской духовной и ма-

териальной культуры, исследования по истории отдельных наук, исследования по славянской и, прежде всего, русской филологии.

Многие спорные вопросы истории русского языка могут решаться с большей определенностью, например, исследование состава русской лексики и связанного с этим вопроса о характере русского литературного языка старого времени (В.В.Бионгра-дов, Б.Унбегаун, Д.С.Лихачев, Ф.П.Филин), вопросов периодизации истории русского языка (Р.И.Аванесов, С.И.Котков, Г.А.Хабургаев).

У историков-лексикологов появится возможность изучать русское слово в его преемственности в пределах одного языка на всех этапах его развития, приступить к решению основной для современной русской лексикологии задачи - описание русской лексики в целом, как развивающейся системы (Д.Б.Лихачев). Без учета данных Словаря и Картотеки ДРС невозможно создание русской исторической морфологии.

Неравнозначность всех этих вопросов, молодость исторической лексикографии как науки значительно усложняет, в свою очередь, работу лексикографа. Есть учесть к тому же, что лексика ХУ - ХҮІІ вв. практически обрабатывается впервые (лексика периода XI - XIУ вв. исследовалась в словарях Ф.Майдо-лича, А.Востокова, И.И.Срезневского), составитель должен решить (и ведет) большую предварительную исследовательскую работу, "ко истории значений слов, по их конкретно-исторической специфике и по их историко-этимологическим судьбам и течениям" (В.В.Бионгра-дов), по особенностям их бытования в изменяющихся и их списках.

Историческая лексикография в наши дни невероятно бога-та достижений и жалеется (Словарь русских наречных говоров, вып. I-IV. Отв.ред. Ф.П.Филин. Ред. Ф.П.Сорокинский) и этимологической лексикографии (М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I-4. Пер. и дополн. О.Н.Трубачева; Этимологический словарь русского языка, вып. I-4. Изд-ва МГУ. Отв. ред. Н.М.Шанский; Этимо-

логический словарь славянских языков, вып. I. Отв.ред. О.Н. Трубачев, и другие словари).

Историк-лексикограф строит свою работу в тесном контакте со словарными коллективами и словарниками работающими в области исторической восточнославянской лексикографии (материалы Словаря русского языка XI - XVII вв. регулярно рецензируются в коллективах Словаря староукраинского языка XIV - XIX вв., Словаря старобелорусского языка, Словаря русского языка XVIII в., Исковского областного словаря с историческими данными, у В.Л. Виноградовой, автора Словаря-справочника "Слова о полку Игореве", О.В. Творогова, автора словаря к "Повести временных лет", Р.М. Цейтлина, специалиста по старославянской лексикологии и лексикографии. Намечается включение в число рецензентов лексикографов, работающих над старочешским, старославянским и старопольским словарями).

8. Известно, что главной задачей исторического словаря является воссоздание в словарной статье истории слова, его биографии. В этом смысле вслед за вопросом "что такое исторический словарь?" мы должны сразу же поставить вопрос "что такое история слова?"

"История слова - как пишет акад. В.В. Виноградов (ВЯ, 1966), - должна воспроизводить все содержание, всю цепь его смысловых превращений, все "метаморфозы". Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни. Она определяет исторические закономерности изменения значений, связывающие судьбу отдельного слова с общим ходом развития всей семантической системы языка или тех или иных ее стилей. История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Вопрос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда он опирается на исследование всех этапов смысловой эволюции этого слова, всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках."

Что из перечисленных компонентов истории слова может быть зафиксировано сейчас лаконичными средствами лексикографии?

Составители Словаря русского языка XI - XVII вв. считают возможным наметить лишь контуры истории слова, передать в общем виде - посредством описания значений слова с определенным их расположением - основные этапы его семантической эволюции. Через привлечение соответствующих иллюстративных материалов из памятников письменности раскрываются по возможности "конкретные условия употребления слова в различные периоды, культурный и социально-исторический аспект жизни слова, его "возраст", примерный "возраст" отдельных его значений. Для решения остальных задач в воссоздании истории слова русская историческая лексикография, да и история русского языка в целом пока не располагают достаточно полными данными. Нужен определенный период для осмысливания и описания средствами исторической лексикологии тех новых данных о лексическом фонде русского языка, которые поступают в распоряжение науки с выходом в свет Словаря русского языка XI - XVII вв., Словаря древнерусского языка XI - XIV вв., Словаря русского языка XVIII в.

Р.М.Цейтлин

О типах словарей первого письменного языка славян

1. Первый письменный язык славян, обычно называемый старославянским, сыграл значительную роль в истории культуры славянских народов и оказал большое влияние на формирование и развитие почти всех славянских литературных языков. В старославянских памятниках зафиксированы древнейшие языковые явления различных уровней, чрезвычайно ценные для реконструкции праславянского языка.

2. Старославянский язык изучен далеко не равномерно. Наименее исследованным остается словарный состав этого языка.

Состояние старославянской лексикологии неразрывно связано с лексикографической работой. Потребность в словарях старославянского языка остро ощущается в славистике и смежных с ней науках гуманитарного цикла.

3. Принципы отбора источников и их реальный состав определяют тип любого словаря. При составлении словаря старославянского языка лексикограф должен решить, какое содержание он вкладывает в термин "старославянский памятник" и соответственно в термины "старославянское слово" и "старославянский язык", так как данные понятия в славистике толкуются различно, что часто лишает исследования в области древнеславянской письменности необходимой научной точности. Все известные словари старославянского языка отражают языковые системы различных временных и хронологических границ.

4. Термин "старославянский язык" (и часто употребляемые тождественно наименования – язык классический старославянский, древнеславянский, древнеболгарский, староболгарский, древнерусскославянский, старорускославянский) толкуются различными исследователями многозначно. Наиболее часто встречаются следующие интерпретации понятия "старославянский язык". Во-первых, язык кирилло-методиевских переводов, т.е. языки второй половины IX в., памятники которого в списках этого времени не сохранились. Для его изучения и воссоздания пригодны рукописи, различные по месту и времени написания, если их протографы восходят к эпохе первых переводов на славянский язык греческих богослужебных книг и связаны с деятельностью первоучителей и их непосредственных помощников. Во-вторых, язык эпохи кирилло-методиевских переводов и язык наиболее близких к нему по ряду особенностей сохранившихся древних рукописей (обычно X – XI вв., но нередко и X – XIV вв. и даже более поздних). В-третьих, только язык рукописей церковно-религиозного содержания X – XI вв. Различные учёные выделяют сюда рукописи разных славянских изводов. В-четвертых, язык рукописей X – XI вв. только древнеболгарского извода. При

этом понятие "древнеболгарский" также тонкуется неоднородно.

5. В соответствии с указанными (наиболее распространенными) толкованиями понятия "старославянский язык" возможны четыре типа словарей "этого языка". Во-первых, словарь языка кирилло-методиевских переводов, самый сложный в методическом отношении, так как он строится на косвенных источниках (памятники IX в. нам не известны). Создание такого словаря - задача будущего, он представит значительный научный интерес в различных аспектах. Работа над ним требует ряда предварительных исследований в области восстановления языка первых переводов на основе изучения лексики сохранившихся аналогичных древнеславянских рукописей различных редакций и изводов и разнообразных иных источников. Во-вторых, словарь памятников церковно-религиозного содержания различных редакций и изводов, начиная о X в. По этому принципу (но с различным составом экспериментированных памятников) составлены известные словари Миклошича и Востокова. Сюда же следует отнести Словарь старославянского языка Чехословацкой Академии наук (хотя он задуман скорее как словарь первого типа). В-третьих, словарь всех известных рукописей церковно-религиозного содержания X - XI вв. различных редакций и изводов. Рукописи этого времени сохранились преимущественно в древнеболгарских и восточнославянских изводах. Известны также одна словенская рукопись X в. (Фрейзингенские отрывки) и одна моравская рукопись X в. (Киевские листки). Все известные нам остальные инославянские и западнославянские рукописи аналогичного содержания датируются более поздним временем. Словарем данного типа является словарь Садник и Айтцетцилера (с известными ограничениями в составе памятников). В-четвертых, словарь древнеболгарских памятников X - XI вв. Это словарь текстов, относящихся к первому периоду истории болгарского языка, который одновременно является первым и общим письменным языком древних славянских народов. Работа над таким словарем еще не завершена. Данный словарь предполагает аналогичные словари этого же времени

по текстам аналогичного содержания по всем известным рукописям других славянских изводов.

6. Таким образом, под названием "старославянский словарь" в настоящее время фигурируют лексикографические труды, отражающие различные языковые системы, имеющие различные информативные возможности, преследующие различные цели. Между тем при пользовании такими словарями далеко не всегда учитывается их специфика. Нередко сведения, подчеркнутые из какого-либо конкретного словаря "старославянского языка", проецируются на эпохи и территории (которые данный словарь не отражает) без дополнительного анализа и доказательств. В результате в ряде исследований объявляются "старославянскими" такие слова, или их отдельные значения, которые нельзя считать даже при самом широком толковании этого понятия.

Л.П.Луковская

Словарь памятника письменности в его списках

1. Словарь памятника включает лексику всех сохранившихся списков этого памятника. Это в равной степени относится к памятникам, дошедшим до нас в единичных списках, во множестве списков и к памятникам традиционного содержания, списки которых имеют очень большие текстологические различия.

2. Число и характер лексических различий между списками одного памятника могут существенно различаться. При этом одни слова (а) последовательно без замен представлены во всех списках памятника; другие (б) последовательно взаимно заменяются в разных редакциях (или разных списках) памятника в одном и том же контексте и одном и том же тексте; употребление третьих (в) варьируется в сходных контекстах в одном и том же списке памятника; четвертые (г) свободно заменяют друг друга в сходных контекстах в списках разных редакций.

3. Слова групп (а) и (г) – это общая лексика древних литературных языков, родственных между собой (для славян в другом понимании: старославянского и церковнославянского);

слова (г) составляют синонимические пары или ряды этих языков (языка). Слова (б) – это специфическая лексика данного территориального (как правило, в последующем развитии – национального) языка в целом. Слова (в) – синонимы в понимании писца или редактора данного списка; это – диалектизмы или слова будущего национального языка, меньшего по территории его бытования по сравнению с общим более древним языком.

Исследование всех четырех групп лексики – задача особая, но уже в предваряющей его лексикографической работе эти группы должны быть последовательно учтены и показаны с учетом названных различий.

4. Рукописное наследие даже XI – XIV вв. огромно. Так, только в СССР учтены 1494 древние рукописные книги, сохранившиеся полностью или с дефектами (см.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI – XIV вв., хранящихся в СССР (для "Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно"). – Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966). Грамоты и разнообразные надписи в этот перечень не вошли. Выявленные 1494 единицы хранения представляют списки определенных памятников (произведений) письменности.

5. Памятников письменности, естественно, гораздо меньше, чем их списков (см. составленный нами "Указатель памятников древней славяно-русской письменности по нарицательным называниям их и по именам их авторов (или другим именам собственным) – Советское славяноведение, 1969, № I). В этом "Указателе" содержится и перечень учтенных в "Предварительном списке" рукописей, представляющих каждый названный памятник. В настоящее время на базе этого "Указателя" Л.П.Жуковской, Н.Б. Тихомировым, Н.Б.Шеламановой составлен перечень названий памятников письменности, рекомендованный для составителей "Сводного каталога славяно-русских рукописей XI – XIV вв.". Он поможет будущим составителям словарей определенных памятников ориентироваться в древнейшем рукописном наследии.

6. Как правило, лексические различия в списках памятни-

ка совпадают с различиями текстологическими. Поэтому в принципе словарная работа над памятником (не рукописью!, т.е. не списком памятника) должна предваряться текстологическим исследованием его списков.

Только текстологический подход к каждому списку памятника позволяет сопоставить слова в идентичном контексте с учетом композиции памятника. Особенно важно это, когда приходится иметь дело с памятником традиционного содержания (см. нашу статью "Памятники традиционного содержания как лингвистический источник" - Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963): списки таких памятников существенно отличаются по составу и композиции составных частей памятника. Но предварительное текстологическое изучение памятника необходимо даже при наличии всего нескольких его списков, материал из которых может извлекаться путем простого расписывания и лексикографирования каждого слова.

7. Работа огромна, но ее можно и необходимо начинать. Положение облегчается тем, что словари определенных памятников могут составляться параллельно во многих научных центрах и даже разных странах, разными коллективами и отдельными лицами.

Л.Г.Гринчшин

О типе Словаря древнеукраинского языка ХІУ – ХУ вв.

Словарь древнеукраинского языка ХІУ – ХУ вв., составленный группой научных сотрудников отдела языкознания Института общественных наук АН УССР во Львове, под руководством проф. Л.Л.Гумецкой, построен по принципу тезауруса. Выбор этого принципа продиктован, с одной стороны, особой важностью периода ХІУ – ХУ вв. для развития украинского письменно-литературного языка, ибо это был переходный период от языка древнерусской народности к языку украинской народности, период, в котором заканчивается становление языка украинской народности и начинается его дальнейшее самостоятельное развитие как отдельной системы с присущими ему фонетическими, грамматичес-

кими и лексическими особенностями, с другой стороны, сравнительно небольшим количеством письменных памятников светского, точнее юридического, характера и их жанровой однотипностью, что позволило авторам применить сплошное расписывание отобранного материала. Всего в канон источников Словаря вошло 936 единиц, большинство из которых составляют различные по содержанию грамоты (жалованные, купчие, проданные, договорные, разграничительные, подтверждительные и др.). Кроме грамот, в канон источников Словаря вошли также статусы (Казимира Великого и Ягайла), привилегии купцам и евреям, описания замков, листориаций земель, записи и приписка на полях книг, надписи на предметах материальной культуры и т.п.

Словарь древнеукраинского языка XIV – XV вв. состоит из двух томов объемом выше 220 листов и содержит более 12 тысяч слов. В него вошли все слова всех памятников данного периода, написанных на древнеукраинском языке, независимо от их территориального происхождения. Кроме апеллятивов, в Словарь вошли и имена собственные (антропонимы, топонимы, гидронимы, этнонимы), а также производные от них. Ввод в Словарь ономастического материала диктуется многими соображениями. Во-первых, между апеллятивами и собственными именами нет демаркационной линии, четкого разграничения, а наоборот, между ними существует тесная связь. Собственные имена происходят обычно из нарицательных, с другой стороны, они могут приобрести значение нарицательных. Во-вторых, собственные имена – как географические названия, так и личные имена – значительно пополняют лексический состав языка. Они нередко характеризуют элементы лексики такой древней эпохи, для которой нарицательные слова не дают материала. Поэтому собственные имена имеют существенное значение для сравнительно-исторического изучения славянских языков, для изучения праславянской лексики.

Наряду со знаменательными словами и их фонетическими (льсь-лісь, мѣсто – место), словообразовательными (ловиско – ловище, бродець – бродокъ), морфологическими (воєвода – воевъдь, господство – господства) и графическими (иуль – юль,

ионь - юнь, юрии - юри) вариантами в Словарь включены все служебные слова и их фонетические, морфологические и графические варианты, а также частицы и междометия. Фонетические и графические варианты слова даются в одной словарной статье, морфологические и словообразовательные - в отдельных статьях, связанных однако при помощи отычочных помет.

В Словарь вошли все иностранные слова - как нарицательные, так и собственные имена. При них указывается их происхождение и пути проникновения в письменные памятники древнеукраинского языка.

В Словарь включены также все ошибочные и искаженные написания слова, причем в такой грамматической форме, в какой они зафиксированы в памятниках. Перед такими словами ставится восклицательный знак, а после них дается в ломаных скобках правильное написание и отсылка к правильной форме.

Каждому заглавному слову дается лексико-грамматическая характеристика и указывается абсолютная частотность его употребления. Частотность слова фиксируется и после каждого значения слова и его оттенка. Порядок значений многозначного слова дается по принципу историчности и типичности значения слова.

При географических названиях указывается род обозначаемого объекта (город, село, река, озеро и т.д.), дается его локализация в соответствии с существующим в ХІУ - ХУ вв. административным делением, а также указываются по возможности современные соответствия древних географических названий.

Определение значения заглавного слова дается несколькими способами: путем приведения эквивалента современного литературного языка, с соответствующими уточняющими ремарками, порой и диалектного соответствия, путем описательного толкования значения слова, в случае необходимости - с элементами энциклопедичности, особенно при толковании исторических реалий. Исходя из этого, Словарь древнеукраинского языка ХІУ - ХУ вв. можно определить как лингвистический словарь сменя-

ного типа – толково-переводный с элементами энциклопедических словарей.

Значения слова и его оттенки иллюстрируются исчерпывающим количеством цитатного материала, среди которого представлена первая и последняя фиксация слова в данном значении. Иллюстративный материал подобран с учетом хронологической и территориальной разномерности.

Широко представлена в Словаре система словоизменения украинского языка XIV – XV вв. Словарь дает полный перечень всех грамматических форм, засвидетельствованных в древнеукраинских письменных памятниках. Каждая грамматическая форма документально локализируется в хронологическом и территориальном отношении. Дублетные грамматические формы даются и документируются отдельно, причем при каждой из них указывается количество фиксаций в памятниках.

Таким образом, Словарь древнеукраинского языка XIV – XV вв. содержит в себе ценный материал, который послужит базой для разнообразных лингвистических исследований, в частности для изучения грамматического строя украинского языка XIV – XV вв., его словообразовательной системы и лексического богатства, межязыковых контактов древнего периода (украинско-белорусских, украинско-польских, украинско-чешских, украинско-молдавских и др.), исторической антропонимики и топонимики и т.п. Большую ценность имеет Словарь и для изучения связей между древнерусским и древнеукраинским языками. Он даст возможность исследователям установить, что унаследовал древнеукраинский язык от древнерусского языка, а что возникло в нем уже на почве древнеукраинского.

А.И.Хуравский

Основные принципы подготовки Словаря старобелорусского языка

I. Создание Словаря старобелорусского языка в настоящее время является основной задачей белорусской исторической лексикологии. Работа по подготовке этого словаря была начата в

Институте языкования им. Якуба Коласа Академии наук БССР в 1960 г. На первом этапе (1960 – 1972 гг.) создавалась карточка, а с 1973 г. началась непосредственная подготовка словаря. Этую работу предполагается завершить к 1985 г. с одновременным изданием словаря отдельными томами.

2. Словарь старобелорусского языка является хронологическим продолжением на белорусском материале словаря древнерусского языка. В его основу положены важнейшие принципы древнерусского словаря с некоторыми отклонениями, вызванными особенностями источников, реальными возможностями их обработки, отсутствием в белорусском языкоzнании традиций в области исторической лексикографии.

3. Источниками словаря служат памятники старобелорусской письменности ХУ – ХУІІІ вв., но практически в словаре будет представлен словарный состав более узкого хронологического среза, так как большая часть сохранившихся старобелорусских памятников разных жанров относится к периоду от второй половины ХУ до второй половины ХУІІІ в.

4. Для Белоруссии феодальной эпохи характерно было письменное многоязычие: общественная и культурная жизнь белорусского населения обслуживалась белорусским, церковнославянским, польским и латинским языками с некоторым разграничением в сферах функционирования. Письменные памятники на польском и латинском языках легко отделяются от белорусских и церковнославянских, благодаря тому что польские и латинские тексты своим графико-орфографическим обликом, грамматическим строем и словарным составом заметно противопоставляются белорусским и церковнославянским. Зато разграничение белорусских и церковнославянских памятников наталкивается на определенные трудности ввиду того, что стариная письменность на белорусском языке в значительной мере насыщена была церковнославянismами, а церковнославянский язык в Белоруссии в свою очередь испытывал на себе влияние белорусского языка. Это обстоятельство требует выработки критерииев для отмежевания белорусизированных церковнославянских памятников от церков-

иославилизированных белорусских, так как только эти последние могут быть источниками старобелорусского словаря.

5. Из числа возможных способов разграничения смешанных в языковом отношении белорусских и церковнославянских памятников наиболее оправданным представляется статистический учет того, каким материалом – белорусским или церковнославянским – заполняются в памятнике те звенья фонетической системы, грамматического строя и словарного состава, которые получали разную реализацию в белорусском и церковнославянском языках (ср. голова, золото и глава, залото, живого, нового и живаго, новаго, беренъ, несемъ и берени, несени, живучий, идучий и живущий, идущий, офира, пекло и жертва, адъ и т.д.).

6. При отборе источников для Словаря старобелорусского языка наиболее сложной оказывается проблема разграничения белорусских и украинских памятников ввиду того, что в стариину белорусы и украинцы фактически пользовались одним литературно-письменным языком. Словарь старобелорусского языка должен отражать лексику художественных, научных, публицистических, религиозных, юридических и других видов письменности, которая в древности создавалась в Белоруссии и рассчитана была на удовлетворение общественных и духовных интересов белорусского населения, независимо от степени отражения в памятниках народной языковой стихии, традиционных архаических черт или иноязычных влияний. Поэтому из числа возможных критериев (национальность автора, место возникновения памятника или языковый анализ) для белорусского словаря наиболее оправданым представляется территориально-функциональный признак: где и в какой среде создавался памятник, на удовлетворение чьих интересов он ориентировался, где и кем он использовался. Логическое развитие этого тезиса приводит к признанию территориального показателя как основного при ограничении белорусских памятников от украинских.

7. Выделенные для словаря памятники с точки зрения характеристики словарного состава подразделяются на три разря-

да: официально-деловые, литературно-художественные и религиозные. Литературно-художественных и религиозных памятников на белорусском языке сохранилось сравнительно немного, и все они привлекались в качестве источников словаря, причем обработка подлежали как оригинальные, так и переводные сочинения. В противоположность этому старинный актовый материал, представленный сотнями изданных и рукописных книг, обрабатывался выборочно с расчетом отразить язык деловых документов разного времени и разных территорий. Литературно-художественные и религиозные произведения обрабатывались в большинстве по фотокопиям оригиналов, актовый же материал – преимущественно по позднейшим изданиям.

8. Реестр словаря включает всю выявленную в обработанных памятниках апеллятивную лексику. В словаре помещаются также все заимствованные слова, разными путями проникшие в белорусский язык и полностью ассимилированные в фонетическом и морфологическом отношении, а также многочисленные экзотизмы. Ономастический же материал в словарь не включается, поскольку он специфичен по происхождению и требует иной лексикографической обработки по сравнению с общей лексикой. В стороне остаются и иноязычные вкрапления, чужеродность которых легко устанавливается контекстом.

9. Зафиксированные в памятниках идентичные в семантическом отношении лексические средства характеризуются неодинаковой графико-орфографической, фонетической и словообразовательной структурой. Орфографические и фонетические варианты разрабатываются под вариантом, который признается основным, а остальные помещаются на своем алфавитном месте со ссылкой на основной вариант. Грамматические, словообразовательные и иноязычные варианты разрабатываются в отдельных словарных статьях, но сопровождаются сопоставительными пометами.

10. Словарная статья в Словаре старобелорусского языка состоит из следующих основных частей: I. Заглавное слово; 2. Грамматическая характеристика слова; 3. Значение слова;

4. Экземплификация; 5. Фразеологические и устойчивые словосочетания и 6. Сопоставительная или отсылочная помета. При этом первые четыре части являются общими и обязательными для всех словарных статей, наличие же остальных двух обуславливается смысловой и структурной характеристикой слова.

Н.Д.Русинов

О региональных словарях старорусской письменности

1. Имеющиеся сейчас в распоряжении науки исторические словари русского и древнерусского языков были составлены в свое время без специального намерения показать диалектную дифференциацию старорусской и древнерусской лексики. Правда, в названных словарях есть указания, из каких по территориальному происхождению памятников извлечено соответствующее слово. Но в целом местные особенности древнерусской и старорусской лексики словари отражают в очень малой степени, так что о них мы до сих пор больше знаем не по словарям, а по относительно немногим исследовательским монографиям и статьям, далеко не полным как по хронологическому, так и по территориальному охвату материала. К тому же в них, естественно, подвергнуты анализу не только не все памятники соответствующей местности, но даже и не вся лексика использованных текстов.

2. Огромное количество старорусских рукописей, помимо центральных государственных архивов России, сосредоточено и в периферийных. Например, в одном лишь Филиале Государственного архива Ярославской обл. в г. Угличе имеются многие сотни единиц хранения XVI – XIX вв. и тысячи единиц хранения XIX в., составляющие передко толстые тома. А в Угличе ведь размещена лишь меньшая часть письменных древностей Ярославщины – основное находится в Ростове и Ярославле. Сходно обстоит дело в государственных архивах Владимирской, Вологодской, Горьковской, Калининской, Костромской и некоторых иных областей РСФСР. Однако до сих пор лишь некоторые их письменные ценности подвергнуты лингвистическому анализу и сыграли надлежащую

роль в углублении и расширении научных знаний о истории русского языка.

3. А между тем лексические богатства рукописей на старорусском языке, хранящихся в областных архивах РСФСР трудно переоценить. В этих текстах содержатся теперь не употребляемые и порой совершенно неизвестные даже лингвистами слова, отражены разнообразные диалектные процессы в русской лексике прошлого, имеются данные для выяснения ее происхождения и т.п. Вот убеждающие в только что сказанном иллюстрации:

а) В таможенных книгах северного речного пути XVI в. встречается неожиданное употребление прилагательного и од - в о д н а я (от п о д в о д а) - применительно не к сухо-путному гужевому транспорту, а к лодке. Причем в указанных книгах это прилагательное оказалось на целое столетие с лишним раньше, чем попало в словари русского языка (впервые включено в Российской целиариус 1771 г.).

б) В памятниках Углича обнаруживаются многие слова XVI - XVII вв., теперь уже в Угличском Верхневолжье совершенно забытые, например: к о р т о м а 'аренда' (ср. арзянское к о р - т а м с 'говорить' и мокшанское к о р х т а м а 'аренда', 'уговор'), м о г у т а 'сила' или 'возможность' (ср. у Срезневского м о г у т ь - мужского, а не женского рода), о г у - р я т ь с я 'неповиноваться', сп о с у д а 'посуда', сп о - з а н а т и 'предварительный уговор', т о й т о т и др.

в) В архивных материалах нижегородского происхождения есть такие слова, как в о ж 'вожатый', д е р б а т о в ы й 'толстый', к а р т о в о й 'договорный', л о м а н 'человек' (ср. мокшанское л о м а нъ 'человек'), р а ж е й 'облик' или 'внешность' (о человеке), с к у д о б р у д 'с плохой бородой', ч е й с к и й 'чай' и др.

4. Следовательно, задача историков русского языка, работающих в тех центрах РСФСР, где сосредоточены местные архивные богатства, - поставить их на службу отечественной и мировой науке: создать региональные словари старорусской пись-

менности. Это важно во многих отношениях:

а) Тогда появится возможность сопоставить исторические словари разных русских регионов, определить общее и различное в их лексике ХУШ и предшествующих веков и, следовательно, выяснить степень и характер диалектной дифференциации старорусской лексики.

б) Тогда появится больше возможностей судить, каким был вклад каждого из регионов в создание фонда общерусской и русской литературной лексики.

в) Региональные словари старорусской письменности будут ценным и значительным дополнением к составляемым в настоящее время словарям живых русских народных говоров и Словарю русского языка XI – ХУП вв.

5. Основываясь на этих соображениях, кафедра истории русского языка и сравнительно-исторического славянского языкознания Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского уже начала работу над словарем древней нижегородской письменности ХУ – ХУШ вв.: обсудила его проект, приступила к составлению первичной картотеки, готовит себе помощников из числа студентов, обучая их лексикографии и русской палеографии (помощь студентов мыслится в форме написания ими курсовых и дипломных работ по лексике нижегородских архивных документов с приложением словарей соответствующих текстов).

6. В работе над словарем древней нижегородской письменности названная кафедра исходит из таких посылок:

а) Нижегородский край сыграл в формировании русской национальной культуры и, надо думать, в сложении литературных норм русского языка, немаловажную роль. Поэтому выяснить словарный состав диалектов этого края в ХУШ в. и в предшествующее время безусловно важно.

б) Словарь древней нижегородской письменности должен быть справочником не только о наличии и значении лексем, употреблявшихся в Нижегородском крае в прошлом, но и о всех формах этих лексем и о их частотности в нижегородских палео-

графических текстах разной стилистической принадлежности – в деловых документах, в летописях и в художественно-повествовательных произведениях XIV – XVII вв.

в) В только что названный словарь должны быть после критического анализа включены русские слова рукописного пятязычного словаря, составленного в 1785 г. в Нижегородской духовной семинарии под руководством Дамаскина Семенова-Руднева (в этом памятнике по списку Горьковского областного архива – более 11000 русских слов, в том числе теперь уже не употребляемых или сохранившихся на положении архаизмов и диалектизмов).

7. Чтобы составление региональных словарей старорусской письменности началось и развивалось не в одном только Горьковском университете, а и в других периферийных вузах РСФСР, там необходимы, конечно, специалисты по русской исторической лексикологии и лексикографии, практически владеющие русской палеографией, необходимы их деловые контакты с местными государственными архивами. И обеспечение всего этого должно стать заботой руководителей соответствующих вузов и вузовских кафедр.

В.Е.Ушаков

Акцентологический словарь древнерусского языка XIV в.
(принципы построения словарной статьи).

I. Обозначение словесного ударения посредством системы надстрочных знаков в древнерусской письменности ведет начало с середины XIV в. Старшими древнерусскими акцентуированными памятниками являются записи русских гlossen в манускрипте № 171 из собрания греческих рукописей Венской национальной библиотеки и Чудовский Новый Завет 1355 г. Спорадически знаки словесного ударения встречаются в рукописях евангелия Никона Радонежского, написанного, по преданию, в 1399 г. и евангелия-тетр Государственной публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина (конец XIV в.). Акцентологический словарь древнерусского языка XIV в. составлен на основе материалов названных памятников (подробную характеристику источников см. в нашей

статье "Древнерусские акцентуированные памятники середины XIV в." - ВЯ, 1971, № 5). Других акцентуированных рукописей XIV в. древнерусского извода пока не выявлено.

2. Акцентуированные рукописи XIV в. отражают, по-видимому, акцентную систему древнерусского языка в том виде, в каком она сложилась после перестройки праславянских ионаций и праславянского политонического ударения, или, по крайней мере, начальный этап ее развития на восточнославянской почве. Этим определяется значение Словаря. Его материалы могут служить своеобразной точкой отсчета истории русского ударения приблизительно в 5 тыс. слов, в которых ударение документально зафиксировано в памятниках XIV в. Словарь имеет одинаково важное значение и для исследований по истории ударения русского, украинского, белорусского языков, так как в нем отражена акцентная система древнерусского языка до его распада на три ветви.

5. В словарь включены в алфавитном порядке все слова и словоформы с обозначенным в названных рукописях ударением. Его структура определяется спецификой акцентной системы древнерусского языка, где слово акцентируется в составе тектовой группы. Поэтому, в отличие от Словаря ударений современного русского языка, в нашем Словаре в словарную статью включаются слова в окружении энклитик и проклитик.

Кроме того, известно, что древнерусское ударение является морфологизованным. Вследствие этого в словарной статье объединяются все словоформы с обозначенным ударением. В качестве начальной для имён существительных приводится форма именительного падежа единственного числа, для прилагательных, неличных местоимений и порядковых числительных – форма именительного падежа единственного числа мужского рода, для глаголов – форма инфинитива. Пример словарной статьи:

побѣда с.ж.ед.и. 90в, II5в; побѣдоу в. II5в, на побѣдѣ 7г; побѣдо|й тв. II5в; ѿ побѣдѣ м. 88в.

Если начальная форма слова с обозначенным ударением в

акцентуированных источниках XIУ в. не встречается, она приводится в начале словарной статьи, но без знака ударения. В этих случаях после двоеточия даются акцентуированные формы, например, блъдо: блъдо с.ср.ед.д. I3а, 33г; на блъдо и. 9а.

4. В древнерусских акцентуированных памятниках широко отражается перенос ударения у слов с подвижной акцентной парадигмой на энклитики и проклитики. Так, например, в речевом такте из 5 слов "и ты ѿй есъ" ударение оттянуто в конец акцентной группы с местоимения ѿй, вследствие чего данный пример в Словаре регистрируется в статье местоимения онъ, а не глагола быти.

В материалах исследованных рукописей многочисленны случаи переноса ударения со знаменательных слов на частицы, союзы и предлоги: ѿ же ѿй I02в; грядѣ ѿй мы с тобою 52б; і и | за рукъ I9а. Подобные примеры даются в словарных статьях тех знаменательных слов, ударение которых смешено на энклитики и проклитики. Первый пример включен в словарную статью местоимения азъ, второй - местоимения мы, третий - имени существительного рука.

5. Если в парадигме того или иного слова нет колебаний в постановке ударения, для экономии места оно приводится без контекста, но обязательно сопровождается указанием на грамматическую форму: бесѣдовати инф. 76б; бесѣдова аор.ед.3 л. 40г; бесѣдоваху имперф. мн. 3 л. 78б. В случаях колебаний в постановке ударения в одной и той же словоформе дается законченный по смыслу отрывок текста: приимти грѣ заповѣди ради I02в, грѣ бо вѣноу приимши за|повѣди ради I02в.

6. Если акцентуированное слово встречается в составе устойчивых фразеологических выражений, оно дается в контексте всего фразеологизма: ѿ мала до веліка 63в.

7. Односложные слова с обозначенным ударением вводятся в словарную статью в составе тактовой группы: вы ѿ мира се 45г.

8. Формы словоизменений приводятся в той последовательности,

которая принята в практике составления словоуказателей к древнерусским памятникам. Среди существительных выделяются собственные имена, которые подразделяются на имена личные и географические названия. Формы компаратива не выносятся в отдельную статью, а даются в конце парадигмы прилагательного.

Для глагола вслед за инфинитивом приводятся личные формы, образованные от основы инфинитива, затем формы настоящего-будущего времени и повелительного наклонения. Причастия даются после личных форм глагола.

Причастия на -л включаются в словарную статью в составе глагольной формы знаменательного слова, например: ркла ёсі 43а (см. статью глагола рчи). В тех случаях, когда ударение обозначено и в причастии на -л и во вспомогательном глаголе, например, імъла | ёсі 43а, данная форма регистрируется дважды: в статье на знаменательное слово (в нашем примере имъти) и в статье глагола быти, при этом в обоих случаях приводится форма, включающая причастие на -л и вспомогательный глагол.

9. При цитировании источников сохраняются особенности графики и орфографии рукописей, в частности, сохраняются графические варианты акцентных знаков оксия', вария' и камора^, а также варианты букв е и є; и, Ы, і; о, ω, ϕ; ou и ѿ; я и ѹ.

В цитатах воспроизводятся надстрочные знаки, выносные буквы, написания под титлами. Перенос в строке обозначается знаком | .

10. Членение текста на слова произведено в соответствии с правилами, принятыми при составлении словоуказателей к древнерусским рукописям. Графические варианты типа взранити – възранити включаются в разные словарные статьи и сопровождаются отсылкой. В разных статьях даются и фонетические варианты слов, например воуэрѣти – уарѣти.

II. Каждое слово и словоформа сопровождаются указанием на источники, из которых они выписаны. Однородные материалы из разных источников приводятся в такой последовательности:

вначале даются материалы Чудовского кодекса, затем Венского

манускрипта, после этого следуют материалы евангелия Никона Радонежского и евангелия из собрания Ф.А.Толстого Государственной публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина. Арабские цифры обозначают номера листов памятника, буквы а, б, в, г - соответственно I-й, 2-й, 3-й и 4-й столбцы.

12. К Словарю прилагается список принятых сокращений.

Р.В.Бахтурин

Словоуказатели к изданиям древнерусских памятников письменности разных эпох

Составление словоуказателей к тексту издаваемого памятника письменности продолжает традиции лучших отечественных изданий памятников старославянского языка, таких классических трудов, как Саввина книга (Изд. В.Щепкина.СПб.,1903), Синайская псалтирь (Подготовил к печати С.Северьянов. Пр.,1922) и других, составивших значительный вклад в изучение старославянского языка. Выделение слов, объединение их в словарные статьи, определение грамматических форм проведено в них двусторонне - путем анализа старославянского текста и сопоставления его с греческим оригиналом, что отражено не только в подстрочных примечаниях к тексту, но и в словоуказателе. Лексемы и даже отдельные формы сопровождаются здесь греческими параллелями. Это приближает словоуказатель к словарям. (В.Погорелов назвал составленный им словоуказатель: "Словарь к Толкованиям Феодорита Кирилловского на псалтырь в древнеболгарском переводе" Варшава, 1910). Такая подача материала сообщала надежность данным грамматическим определениям и объединению форм в словарные статьи.

При подготовке современных изданий древнерусских памятников составление указателя слов отделено от текстологического сопоставления с оригиналом даже тогда, когда он известен. Поэтому параллельные чтения в нем не приводятся. Однако это не может исключить лексического и грамматического сопоставления с оригиналом, так как в любом рукописном памятнике имеется

много темных мест и искажений, связанных с деятельностью переводчиков и писцов. Сопоставление в этих случаях ведется лишь в обратном направлении - от указателя к тексту. Оно может быть проведено составителем словауказателя, например в "Назирателе", или с помощью исследователя, ведущего текстологическое сопоставление, - в "Выголексисском сборнике".

В переводных памятниках, на опыт работы с которыми мы можем опираться, текст представляет большое количество калек и лексических заимствований, число которых в более поздних памятниках возрастает, например, обилие полонизмов в "Назирателе" - брылы - *bryły*, бузбай - *buksbam*, бузьбом - *buksem*, велкери - *wielkierž*, влоский - *włoski*, галштын - *galštin*, грона - *grono*, завесистый - *zawiesisty*, застали - *został*, засхлость - *zaschlōść*, здребеный - *zdrzebiony*, зомп - *zamp*, карлубы - *karluby*, колер - *kolera*, кониковка - *koni-kowie*, ламикамень - *lamikamień*, матица - *maćica*, мдлость - *mdłość*, одматися - *odymać się*, *wstreźina* - острежина, паднение - *upadnienie*, лигви - *pigwy*, полонина - *plonina*, помогранаты - *pomagranaty*, поники - *poniki*; распространенность лексических калек: навозиско - *gnojewisko*, пропахлина - *rospruklina*, стравление - *strawność*, распаляет - *zapala*, дения стая - *dziennie stajanie* и т.д.).

Памятник XII в. "Выголексисский сборник" обнаруживает распространенность в древнейших памятниках синтаксических калек. Наиболее ярким примером является перевод греческого артикла местоимением и же (καὶ εἰ), в результате чего у этого местоимения в русском тексте появилась функция союза (См. также В. Погорелов, указ. соч., стр. 74). Такое грамматическое значение выделяется на основе русского текста, но как система, несомненно, может быть выявлено лишь после сопоставления с греческим оригиналом, что позволяет определить три грамматические единицы - местоимение, его употребление в функции союза и причинный союз и мь.

Очень важным представляется сопоставление с греческим текстом при определении причастных форм. "Уже в древнейших

дошедших до нас памятниках обнаруживается смешение различных падежных форм. Но роды и числа в этих памятниках еще различаются последовательно. С XIII же века начинаются колебания в формах рода и числа" (П.С.Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1953, стр.160).

Проверка согласования по оригиналам обнаруживает у причастий колебания в формах рода и числа уже в памятнике ХП в. Кроме того это позволяет определить меру самостоятельности таких грамматических отклонений, отделив слова, повторяющие грамматическую форму греческих слов (грамматические кальки) от причастий, которые употреблены как несогласованные.

Сопоставление с оригиналом необходимо и для правильного определения омонимичных форм местоимений иже, въсъ, съ, тъ (сего дельма 86 об.5 - 'ради него' или 'ради этого?') и др., например, ω̄че - сущ.м.ед.зв. и прил.ср.ед.вии.; и - сонз и мест.м.ед.вин. Некоторые контексты не позволяют с уверенностью предпочесть одну из этих форм, то же при совпадении форм аориста и имперфекта, аориста и настоящего времени, наречия и краткого прилагательного (наказаније больше показыває 83 об. I3; лукаво се моудровавъ 91 об.10). Некоторые из именных падежных форм (например, формы на-оу) могут быть определены различно в зависимости от их истолкования как результата взаимодействия основ (А.А.Шахматов расширил представление о таком взаимодействии до признания уже в древнейших памятниках самой лексико-грамматической категории, связывая ее с родительным падежом. А.А.Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр.241-245) или синтаксического явления - употребление дательного падежа в некоторых функциях родительного падежа (Правдин А.Б. Значения дательного падежа в древнерусском языке (ХП - ХУП вв.).АКД. М.,1954): блгочьстю и добродѣтили първи оуставъ 35.1 'образец благочестия и добродетелей', къ страстьмъ доблѣмо подобакть прити 64.8-9 'следует приступить к подвигам доблестного'.

Оригинал косвенно подтверждает также выделение некоторых

малоизученных в древнерусском языке грамматических форм, например, глагольных форм с частицей да в значении дополнствования, соответствующих греческому оптативу, и одновременно обоснованнее разделение частицы и омонимичного союза, что без сопоставления с оригиналом сделать не удается. (Успенский сборник XII - XIII вв. Изд. подготовили О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпкин. Под ред. С.И.Коткова. М., 1971, стр.496).

Если при составлении словоуказателя к древним текстам наибольшие затруднения вызывает установление " тождества формы", то в более поздних текстах вопросы по преимуществу связаны с " тождеством слова", в особенности для именных основ. Унификация типов склонения переводит расхождение падежных форм из морфологии в область морфонологии и лексики.

Утверждающаяся со временем большая устойчивость грамматической системы письменной речи облегчает читателю понимание текста памятника. Поэтому указатели к поздним текстам не содержат перечня форм, что, конечно, снижает их ценность как справочного аппарата лингвистического издания. Вместе с тем слвоуказатель сохраняет функцию лингвистического комментария текста, если в нем выявлена словарная (исходная) форма каждой лексемы и разграничены написания, принадлежащие орфографии памятника и отражающие видоизменение основы, которое нередко вызвано влиянием оригинала. Указатель такого типа был составлен к памятнику XVI в. "Назиратель". Целесообразность такого справочного аппарата подтверждена тем, что он подсказал выбрать для текстологического сопоставления из многочисленных иноязычных параллельных текстов лишь польские издания и отвергнуть латинские, с которыми исследователи прежде сопоставляли "Назиратель", т.к. при изучении "экзотических" элементов текста на первый план выдвигались факты лексического и синтаксического заимствования из латинского языка. Системный обзор лексики памятника в полном ее объеме обнаружил преобладание польских элементов в лексике. Все они подтверждались польскими изданиями и полностью отсутствовали в латинском

(ГЛБ. Икк.182), с которым была возможность провести сравнение.

Современные словоуказатели развивают прежде всего традиции "Критики текста" - выявляя, отмечают искажения первоначального текста, проявившиеся в неправильном употреблении форм, описках. В "Выголексическом сборнике" - съ философъ 39 об. 9 вм. съ философы; съ тъщание 39 об. 14 вм. съ тъщаниемъ; наре́чъ бысть вм. наре́чло бысть; житие 60 об. 13 вм. житинъ; простиши сѧ 61.8 вм. проживити сѧ ; ии тъ то же об 63 об.3-4 вм. никто же об; творище 64 об. 9 вм. творище; имоумъ 86 об. 17 вм. имоущемъ; задъниe 84.10 вм. зъдание ; зельмоудроя 86 об. 6 вм. вельмоудроя ; икомъ 110.2 вм. икона; скорости 113 об.7 вм. скорость; гла 115.15 вм. глати; разъвращениe 116 об. 5; вм. разъвращение ; соуще 120.3 вм.соуще и т.д.

Грамматический и лексический анализ текста, который ведется при составлении словоуказателя, помогает найти превалирующее словоупотребление (в "Часирателе" хотн и - в других случаях хотни, наубоди, во и да и др.; трудные случаи словоупотребления в Выголексическом сборнике : яиб и 34.13; съ и 60.3; исухсюи и 62 об.10; за сымы 70 об.14; соуди и 72.12; дальни 77.3; съ тъ 70 об. 16; не погадоу имоу 87 об.3; съ строимъ 99 об.2; глати 107.6; съ ии Коутии 112.18; дроугчие же 116 об.4 и т.д.).

Кроме этого, без словоуказателя очень трудно различить между собой, действительно противостоящие другим издастиям пробы. Но редких, порою чрезвычайно неоднозначных, пальцевый слог . Установка же, что в данном виде обе пробы поменяли место в словоуказатель.

При чтении удаётся связь языка и формы к изданнию каким-либо членом, как например визуальный скрапбукинг и книга в понимании текста, то самим изданиям он нужен как способ изучения лингвистика, помогающий найти претекущее решения при интерпретации текста, сравнивая аналогичные конструкции, лексемы и формы.

Словоуказатели как вид лексикографического труда

1. Словари древнерусского языка, как существующие (Материалы И.И.Срезневского, Материалы А.Люверну), так и создаваемые (Словарь русского языка XI - ХУП вв., Словарь древнерусского языка XI - ХIУ вв.) являются по характеру своему толковыми словарями, в которых толкуются основные значения слов и каждое такое значение иллюстрируется избранными цитатами из источников.

В то же время лексикологи и лексикографы постоянно испытывают значительную потребность в словарях-тезаурусах или картотеках, в которых бы фиксировались в с е употребления в с е х слов в возможно большем круге памятников. Создание такого фонда словоупотреблений сделало бы более объективными наши суждения о словарном составе древнерусского языка, о системе значений отдельных слов и ее эволюции во времени, позволило бы судить о степени употребительности тех или иных слов и значений, о традиционных речевых клише и фразеологизмах, о жанровой дифференциации лексики и т.д.

2. Подобная картотека к избранным памятникам языка XI - ХIУ вв. существует в Институте русского языка АН СССР. В Ленинграде предполагается создать картотеки-словоуказатели к памятникам ХУ в. (т.е. к произведениям, созданным или переведенным в этот период и сохранившимся в списках, датируемых временем не позднее середины ХУI в.).

3. Выбор памятников этого периода диктуется как исключительной важностью его для историков языка, как периода формирования русского литературного языка Московской Руси, так и теми практическими соображениями, что именно памятники ХУ века недостаточно представлены и в Материалах И.И.Срезневского и в создаваемом сейчас Словаре русского языка XI - ХУП вв.

4. Первоначально будут составлены картотеки-словоуказатели к отдельным текстам, на основании которых в дальнейшем

будут составляться сводные словоуказатели к памятникам определенных жанров и, наконец, Сводный словоуказатель к памятникам языка XIV в.

5. Целесообразность составления таких словоуказателей была проверена на материале словоуказателей к пяти памятникам: русским переводам "Сербской Александрии" и повести "Степанит и Ихнлат"; к текстам "Сказания о Мамаевом побоище", Хития Стефана Пермского и статей за XIV в. в летописном своде, изданном в 25 т. ПСРЛ. Собранный материал показал, что такие словоуказатели представляют значительные дополнения к словнику Материалов И.И. Срезневского. Но важнейшим их достоинством является информация о всех словоупотреблениях отмеченных слов; такого рода сведения не представляют и не могут представить толковые словари.

6. В настоящее время группой ленинградских лингвистов отобран круг памятников, подлежащих расписке, выработана инструкция для составления словоуказателей. Предполагается, что на первом этапе работы будут расписаны памятники, общий словник которых составит не менее 10000 слов.

Е.В.Чешко

Некоторые проблемы словоуказателя к изданию среднеболгарских текстов (Заглавное слово, фиксации отклонений в употреблении словоформ, информация о причинах отклонений)

При составлении словоуказателя к изданию среднеболгарской рукописи XIV в. Норовской псалтыри мы придерживались принципа дать при каждой словоформе максимально возможную грамматическую информацию. В докладе мы остановимся на некоторых специфических проблемах, связанных с особенностями среднеболгарской письменности.

I. В среднеболгарский период процессы фонетических изменений привели к значительному разнобою в графической передаче слов. Искажению графической формы старославянского слова

способствовала и среднеболгарская мена юсов. Поэтому проблема заглавного слова – это проблема узнавания слова в словоуказателе. Чтобы облегчить пользование словоуказателем и сделать сопоставимыми словоуказатели изданий различных среднеболгарских рукописей, мы считаем рациональным дать заглавное слово в его этимологической, старославянской форме, а далее в словарной статье уже приводить словоформы в написании, зафиксированном в рукописи. Кроме того даются ссылочные статьи для словоформ сильно искаженных или начинаящихся не с той буквы, что заглавное слово.

2. В среднеболгарский период живой болгарский язык претерпел существенные изменения в своем грамматическом строе в направлении перехода от синтетизма к аналитизму, в результате чего возникли существенные расхождения между языком памятников письменности и живым болгарским языком писцов. С этим связаны ошибки и известные отклонения в употреблении падежных форм от норм древнеболгарского (старославянского языка), наблюдавшиеся в среднеболгарских рукописях.

Большие сложности связаны с определением падежного значения, отнесения падежных словоформ к тому или иному падежу в участившихся случаях их онтимии, а также с определением и обозначением случаев неправильного, с точки зрения норм старославянского синтаксиса, употребления падежей. В словоуказателе формы с отклонением в употреблении помечаются особым значком, который вместе с тем служит сигналом отсылки к разночтениям, приведенным к тексту. Иногда старославянский текст приводится в самой словарной статье. Если омонимичные формы употреблены в контексте, в котором возможны оба падежа, в словоуказателе при них дается двойное обозначение. Например, Р-В, Р-Д и т.п.

3. Разнобой в языке и орфографии среднеболгарских рукописей вызвал необходимость нормализации письменного языка. Интенсивные попытки введения какой-то нормализации начались спонтанно в различных скрипторских школах задолго до извест-

ной реформы Евфимия Тирковского и правки книг церковных, начавшейся с конца XI в. Начало нормализаторской деятельности болгарских книжников И.В.Ягич относит к середине XIII в., когда начали появляться новые редакции древнеболгарских памятников, отличительной чертой которых было стремление максимально приблизить славянский текст к греческому оригиналу.

Образец такой индивидуальной нормализаторской деятельности писца представлен в издаваемой нами рукописи Норовской псалтыри. В частности, он часто прибегает к синтаксическим калькам в области глагольного управления. Поэтому отклонения в употреблении родительного, творительного и местного падежей, которыми писец, видимо, уже не владел, обычно находят объяснение в приводимых рядом греческих параллелях, которые в нашем словоуказателе приведены к каждой словоформе.

4. Особенности в употреблении падежей, характеризующие среднеболгарские рукописи, обязывают издателей дать в словоуказателях исчерпывающую информацию о сочетаемости глагольных словоформ с беспредложными и предложными падежными формами. В нашем указателе при каждой глагольной статьедается перечень падежно-предложных цепочек, встречающихся при данном глаголе. Каждая цепочка снабжена индексом, который ставится при глагольных словоформах и служит указателем на то, с каким видом падежной цепочки употреблен глагол в каждом конкретном случае.

5. Начиная с XI в. в среднеболгарских рукописях с большей или меньшей последовательностью отмечается ударение. В Норовской псалтыри ударения поставлены сравнительно редко, хотя и образуют достаточно ясную систему. В общем словоуказателе мы ударений не отмечаем, чтобы не усложнять группировку словоформ. Однако прилагаем специальный индекс слов с ударениями.

Вопросы лексикографической практики

Т.А.Сумникова

Об обозначении сильных подчинительных связей глагола в историческом словаре

1. Одно из непременных лексикографических правил толковых словарей современного языка - показ сильных синтаксических связей глагола (наряду с показом его лексической сочетаемости).

2. Успехи, достигнутые за последние 30-40 лет в разработке общих вопросов лексикологии, в изучении семантики падежей и предложно-падежных конструкций, а также опыт, накопленный при составлении толковых словарей современного языка, позволили поставить вопрос об обозначении сильных синтаксических связей глагола в историческом словаре (Р.М.Цейтлин, Л.Л.Гумецкая, У.Я.Едлинская, СДР XI-XIV вв. Проспект).

3. Картотека СДР XI-XIV вв., составленная по принципу сиюминутного расписывания текстов, содержит большой и разнообразный материал, характеризующий глагол со стороны его сильных и слабых синтаксических связей в языке указанной поры.

4. В предлагаемых ниже рекомендациях мы исходим из того, что круг сильных подчинительных связей древнерусского глагола, т.е. таких, в результате которых между глаголом и связанной с ним формой возникают объективные, комплиментивные или объективно-комплиментивные отношения, в целом тот же, что и в современном русском языке. Это: а) в простом предложении - управление падежной формой без предлога (и како стопыкъ

потам съмъртъ оца своего) и с предлогом (иже къ богоу вѣро-
вать и въ надежу вѣскрѣсія), примыкание инфинитива (объект-
ного – не дадоюще тому юсти, субъектного – зане не можаше
изити противу имъ); б) в сложном предложении при некоторых
глаголах – связь с придаточной частью (не вѣмъ к комоу обрати-
тися) или с прямой речью (и рекоу ты ми боуди оѣъ ты ми
брать старѣ). К сильной связи, как и в современном языке,
относится нулевая связь, т.е. отсутствие в одном значении
сильных подчинительных связей, присущих глаголу в других
его значениях (б и т и ... без доп. 'стрелять': вела же сре-
дѣ города высока юко же быти с ней окрѣть града; б и т и
... вин. 'убивать': не юзъ бо почаль братью быти но оѣъ).
Сильная связь может быть одиночной и двойной, а каждая из
них вариативной (в н сълати в знач. 'послать, направить
что-л. кому-л.'): выслалъ бѣ юмоу Володимерь питье много, высл-
ла имъ кнѧзь Больгаръскии пить съ отравою, высла кнѧзь Гирги...
къ кнѧземъ не дѣлте мнѣ днѣ^с. а заутра поиду из города).

5. Полагаем, что в историческом словаре, построенном на
текстах разновременной письменности, должны быть показаны
прежде всего с и л ь н ы е подчинительные связи (причем не
только связь управления) и их в а р и а т и в н о с т ь .

6. Сильную подчинительную связь глагола с объектным и
субъектным инфинитивом, связь с придаточной частью, безобъект-
ное употребление глагола представляется целесообразным обоз-
начать пометами, принятыми в словарях современного русского
языка: с неопр., с прид., без доп. Для прямой речи (форма вы-
ражения прямого объекта при некоторых глаголах) может быть
введена помета "с прям." Для обозначения сильного управления
в историческом словаре наиболее rationalным представляется
указание на падеж управляемой формы (без предлога или с пред-
логом) – способ, широко используемый немецкой исторической
лексикографией. Например, б л а г о в о л и т и ... вин. или
и л а вин., или дат., или о местн. 'Проявить, проявлять bla-
госклонность, расположение к кому-л., чему-л.': блговолиъ
иеси гї землю твою, блговолить гъ на бояща сѧ юго, сего
ради блговоли бѣ слову юго, нѣ не блговоли бгъ о дѣлѣ стѣ-

ни тол.

7. Наиболее последовательно сильные синтаксические связи глагола могут быть обозначены в таком историческом словаре, базой для которого служат тексты оригинальных памятников письменности, т.е. такие памятники, которые (при полной их расписке) представляют, хоть и во фрагментах, систему одного языка. При наличии текстов переводных памятников необходимо учитывать лексико-грамматические особенности глагола в языке оригинала. Например, для глагола б е с ъ д о в а т ь в русских текстах переводных памятников.

Н.Б.Чурмаева

О лексикографическом описании древнерусских обстоятельственных наречий

Взгляд на обстоятельственные наречия как на застывшие формы отдельных падежей имен существительных, прилагательных, числительных имеет давнюю традицию. В большинстве работ, касающихся этой проблемы, существование имен, генетически предшествующих наречиям, не ставится под сомнение даже тогда, когда нет прямых свидетельств их существования (п е ш к о м из п ъ щ к ь , с з а д и , н а з а д ь , н а з а д и из з а д ь , и с - с т а р ы из старь, в т о р о п я х из торопъ и т.д.). Отсутствие соотносительных с наречиями имен в памятниках письменности и в современном языке исследователи объясняют позднейшим исчезновением их из языка.

Такое положение вполне возможно, тем более что письменные памятники донесли до нас только небольшую часть слов, некогда существовавших в языке. С другой стороны, именно это обстоятельство оставляет теорию застывших падежных форм без необходимого доказательства. Вместе с тем имеется немало данных, обосновывающих сомнение в том, что адвербиализация отдельных падежных форм единственно возможный путь обра-

зования обстоятельственных наречий (А.Мейе, 1951, Д.Н.Шмелев, 1960, Г.Сафареевичева, 1968).

Проблема может быть решена на очень большом материале, обеспечивающем показ наречий на фоне соотносительных с ними имен. Такой материал может дать исторический словарь древнерусского языка. Однако взгляд на наречие как на застывшую падежную форму имени в исторической лексикографии ведет к тому, что наречие приводится не в отдельной словарной статье, а в статье на имя. Обстоятельственное наречие, таким образом, не является лексикографическим словом. Так рассматриваются обстоятельственные наречия в Материалах Срезневского, продолжавших оставаться основным лексикографическим трудом по древнерусскому периоду: т е к о мъ 'бегом, быстро' под существительным т е къ, украдомъ 'украдкой, тайком' под существительным у к р а дъ, б e з u т e ч a 'целиком, сполна' под существительным у т e ч a 'изъятие'. Так же даются наречия в Словаре-справочнике "Слова о полку Игореве" (сост. В.Л.Биноградова): х а л o щ a м и 'горестно' под существительным х а л o щ i, въ п o л и 'наполовину, частично' под существительным п o л ъ 'половина'. Этого же принципа придерживаются авторы готовящегося СДР XI-XIV вв.: б e з ъ-г o д a 'некстати' под существительным г o д ъ, б e з ъ-ж ъ-п a 'напрасно, попусту' под прилагательным ж ъ-п a, с ъ-л e в a под прилагательным ж e в и и и т.д.

Против такого принципа имеется серьезное возражение. Исторический словарь определенного периода создается на материале письменных памятников. Словарь теряет качество достоверности, если слова и значения слов не подтверждаются материалом памятников. Восстановление имени по наречию, даже генетически правильное, выходит за хронологические рамки словаря, в известной мере выполняя задачу словаря этимологического. Кроме того, такой подход (повторяя, даже при правильном восстановлении производящего имени) размывает нижнюю границу словаря, так как в каждом отдельном случае восстановленные имена могут оказаться принадлежащими разным временным срезам.

Другой довод против восстановления имени по форме наречия заключается в том, что такой подход ведет к известному искажению языковой структуры, так как в результате его восстанавливаются имена, возможно, не существовавшие в языке ни в рассматриваемый период, ни в более ранний. Иными словами, это ведет к реконструкции слов и как всякая реконструкция, она является предположительной: восстановление имени по наречию, даже логически и структурно правильное, может оказаться неправильным исторически.

Сложность подачи наречий в историческом словаре объясняется трудностью разграничения наречия и падежа имени, имеющего тенденцию стать наречием. Даже для современного языка "отличение" наречий от существительных представляется, по словам Л.В.Щербы, "самым деликатным вопросом". Исследуя наречия в древнерусском языке, следует строго разграничить две стороны дела: собственно историческую, документированную памятниками письменности, с одной стороны, и условно этимологическую, во многом предположительную, необходимую в любом историческом исследовании, но лежащую за пределами возможностей исторического словаря обычного типа, — с другой.

Случай, когда наречное слово действительно является формой имени, отмеченного в памятниках в значении, соотносительном наречному, могут быть показаны в словарной статье на имя с пометой "в роли наречия", т.е. так, как они обычно и даются в словарях. Например, и у ж е в 'силой, насильно' (иже дылъ необручену нужен имать — КЕ XII, 186), так как в памятниках есть и у ж а 'сила; принуждение' (от и у ж а вътрыни — СбTr XII/XIII, 71; томяшеть ю напастю и нужен иноплеменьникъ — Пал I406, 1846).

Однако при определенных условиях слово, напоминающее падежную или предложно-падежную форму имени, отмеченное в памятниках в обстоятельственном значении, может рассматриваться в словаре как лексикографическая единица, т.е. должно быть показано в отдельной словарной статье.

I. Прежде всего сюда относятся случаи, когда в памятниках есть наречие, по форме напоминающее падеж имени, но само

имя в свободном употреблении не отмечено: текомъ 'бегом,' быстро', калоцами 'горестно', кудыма 'силой, насилием' и т.д. Восстановление имени по этим формам может привести к ошибке, которую допустил бы составитель современного словаря, восстановив он имя по таким формам, как вдребезги, второпях, навзничь, наобум, наоушуь, без умолку, молчком.

II. В роли наречия часто встречаются формы, которые не соответствуют парадигме имени, как представляется она по данным памятников того же времени. Так, наречия до и а 'дома' и домови 'домой' даны Срезневским в статье на домъ. Форма дома, восходящая к старому местному пад.ед. числа, по мнению историков языка, возникла еще до общеславянской моноглонгизации дифтонгов. Форма домови - да-тельный пад.ед. числа - уже в древнейших памятниках малоупотребительна, вместо нее употребляется форма дому. Домови в качестве наречия имеет варианты домовъ и домовъ. Форму домовъ объясняют из домови в результате редукции конечного -и. Это обстоятельство еще более убеждает в мнении, что адвербализация дома относится к доистории, так как домовъ встречается в самых ранних памятниках. Адвербализация падежных форм имен ставила их в положение лексикализованных. Наречия могли подвергаться разного рода влияниям независимо от тех изменений, которые происходили в парадигме имени. Поэтому для периода XI-XIV вв. дома, домови не формы существительного домъ, употреблявшиеся в роли наречий, а отдельные слова.

К тому же кругу вопросов, условно называемых реконструкцией формы, можно отнести показ в историческом словаре наречий, по форме совпадающих с падежной или предложно-падежной формой прилагательных: вѣбрѣ, малы, изтиха, повелику и др. В словарях они приводятся под заглавным словом на прилагательное: вѣбрѣ, вскорѣ под бѣрзми, съкорни; малы под малы, съпроста под простыи, издавына под давыны и т.д. Отсутствие в памятниках скорѣ, тихъ, лѣпъ и др. в роли существительных, а зачастую отсутствие кратких форм вообще (замена их местоименными формами) может служить дос-

таточным основанием лексической самостоятельности подобных наречий в языке эпохи, представляющей словарем. Как было замечено в ряде статей последних лет, рассматривать случаи типа с приставой из тиха как предложно-падежную форму прилагательного едва ли можно, так как само по себе прилагательное бе может употребляться с предлогом. Что касается происхождения их, то, несомненно, большая часть таких наречий возникла в период иерархичности имени, поэтому трудно и не имеет смысла при составлении исторического словаря решать вопрос, от существительного или от прилагательного образована та или иная наречная форма. Следует отметить, что подобные наречия в древнерусском языке многочисленны, разнообразны по структуре и значению: мали, малу 'немного, несколько', помалу 'постепенно'; помалъ 'скоро'; съпроста 'просто, обычно'; измала, издавына, издалеча, излиха, преизлиха, излише, излегъка; потынку, подробыну, потаху, поздорову; налегъке, наедиже и т.д.

Отказ о реконструкции форм следует перенести, по-видимому, и на случаи с приставочным яе: например, наречие и е р я д и в ъ 'бесспорядочно' не дает оснований восстанавливать в словаре форму р я д и в ъ, и е л ъ и ъ - форму л ъ и ъ и т.д.

Ш. Часто в памятниках есть имя существительное и наречие, совпадающее с падежной или предложно-падежной формой имени. Однако семантическая структура имени не имеет значения, непосредственно связанного с наречием. Так, у существительного у мъ есть значения 'душа', 'мысль', 'образ мыслей', 'рассудок' (значения приводятся по словарю Срезневского), у формы б е з у м а в наречном употреблении есть значение 'напрасно, попусту'. В этом и подобных случаях Срезневский реконструирует значение имени существительного по значению наречия. Таким образом у существительного у мъ указывается значение 'причина, основание', не подтверждаемое ни одним примером в свободном употреблении. По-видимому есть основания рассматривать наречие как лексикографическое слово тогда, когда его значение не соот-

носится непосредственно с семантической структурой имени или противоречит ей. Безусловно это касается случаев, когда наречие имеет не одно, а несколько значений (въдълъ, едино, по давним картотекам СДР XI-XIV вв.). Смысловой показатель при определении самостоятельности или несамостоятельности наречного слова в целом ряде случаев является более существенным моментом, нежели расхождение в формах.

При определении лексической самостоятельности наречий мы специально разделяли три стороны одного и того же вопроса, условно назвав их реконструкцией имени, формы и смысла. В действительности все они связаны, что в ряде случаев значительно облегчает лексикографическую обработку наречий и соотносительных с ними имен. Отказ от разного рода реконструкций при лексикографическом описании обстоятельственных наречий древнерусского языка даст возможность выделить большую группу наречий, что позволяет конкретизировать целый лексический пласт, относящийся к особым частям речи. Существенно, что эта лексика будет представлена и в обратных словарях, прочно вошедших в практику лексикографии. С другой стороны, формальная и семантическая структура имен существительных, прилагательных и числительных представлена в словаре в более строгом виде, освобожденная от форм и значений, подсказанных однокоренными наречиями. Кроме того, словарь освободится от целого ряда предположительных имен, о которых нельзя сказать наверное, какое значение они имели, когда существовали в языке и существовали ли вообще.

В.Ф.Дубровина

Греческие оригиналы древнерусских памятников и
исторический словарь XI-XIV вв.

Подготовка словаря, базирующегося на материале древнерусских списков XI-XIV вв., значительный процент которого в силу исторических условий является переводным, невозможна без обращения к греческим источникам.

Привлечение греческих оригиналов не сводится к "подведению параллелей" при завершении работы над статьей. Связь с греческим материалом должна осуществляться на всем протяжении работы над словарем, начиная с расписывания источников и составления картотеки. На этом этапе обращение к оригиналу в связи со словоупотреблением, выявлением этнонимов, топонимов и личных имен, установлением описок и исказений отдельных написаний, уяснением грамматической характеристики слова способствует уточнению словарника, более четкой организации материала в картотеке.

Использованию данных оригинала для интерпретации древнерусского материала должно предшествовать тщательное сопоставительное изучение текстов оригинала и перевода.

Особая осторожность и индивидуальный подход к каждому конкретному случаю необходимы при решении вопроса о привлечении данных оригинала в кульминационном пункте работы лексикографа – толковании значения слова. Необходимость в такого рода помощи со стороны оригинала особенно остро ощущается в тех случаях, когда слово представлено одним-двумя примерами из переводных памятников, при словах греческого происхождения, при разграничении словоупотреблений многозначного слова. Несомненно, что основным критерием для определения значения древнерусского слова и в переведном тексте является контекст древнерусского памятника, семантические связи изучаемого слова с другими словами того же гнезда. Но нередки случаи, когда слово, засвидетельствованное словарем, не имеет таких связей, а понимание контекста часто вызывает затруднение.

ние у составителя (дословность перевода, ошибочная передача отдельных мест, искажения текста в процессе переписки и т.д.). Поскольку необходимой предпосылкой установления значения слова является глубокое и правильное понимание широкого контекста, включающего изучаемое слово, то обращение к оригиналу прежде всего и диктуется этой потребностью. В процессе уяснения контекста и установления полной ясности в соотношении сравниваемых параллельных отрывков текста и его отдельных элементов выявляется возможность дальнейшей, более конкретной реализации данных оригинала при установлении значения древнерусского слова. В связи с разного рода недоразумениями при передаче в древнерусском памятнике лексемы оригинала (одно греческое слово принято переводчиком за другое из-за внешнего сходства, греческое слово понято в значении, не соответствующем смыслу контекста и т.д.) может быть установлена и полная невозможность привлечения значения греческой лексической параллели к толкованию значения древнерусского слова.

Комплектование и оформление словарных статей, полностью или преимущественно основанных на переведном материале – вопрос, в разрешении которого данные оригинала трудно переоценить. Привлечение параллельного отрывка оригинала позволяет болееrationально определить отрезок текста, сопровождающий слово в словарной статье. В результате сопоставления с оригиналом создается основа для отбора наиболее надежного и показательного иллюстративного материала при достаточном количестве примеров в картотеке. При необходимости исчерпывающего приведения материала ввиду малого количества словоупотреблений, появляется возможность дифференцированной их подачи внутри словарной статьи и соответствующего оформления, с привнесением данных оригинала, тех примеров, которые не подкрепляют выявленных значений.

Приведение фактических данных оригинала в готовой словарной статье – завершающий момент в привлечении греческого материала при подготовке словаря. Тесно связанный со

всей предшествующей работой лексикографа в этом направлении, он имеет и свою специфику. Необходимость обращения к оригиналу в процессе авторской работы над статьей, включающей переводной материал, не может быть предсказана заранее или продиктована какими-либо инструкциями; объем и характер приведения данных оригинала в готовой статье, также неизбежно зависят от конкретного материала, регламентируются в то же время определенными общими правилами. Эти правила, конечно, не могут охватить всего многообразия типов соотношения элементов текста оригинала и перевода, в соответствии с характером издания должны прежде всего отвечать принципам наглядности и целесообразности.

В.Л.Виноградова

О подаче предлогов в словарях древнерусского языка

Предлог — сложная и своеобразная часть речи, выполняющая в языке служебную роль реализации связи между словами. Эта сложность и своеобразие предлогов сильно затрудняет практику лексикографических описаний их в словарях русского языка вообще и древнерусского, в частности. В толковых словарях существует большой разнобой в подаче семантической системы предлогов, разноречивый характер определений отдельных значений. Основные типы предложных значений в толковых словарях намечены. Семантика старославянских (и церковнославянских) и древнерусских предлогов, особенно первичных, самых многозначных, сравнительно мало изменилась с течением веков. Несмотря на наличие многочисленных беспредложных конструкций, семантика старославянских и древнерусских предлогов была очень богата, в ряде случаев даже богаче, чем в современном русском языке, что объясняется отчасти отсутствием четких границ между литературным языком и диалектами, между разными стилями, отчасти преувеличенным подражанием

ищем образцам греческого (и латинского) синтаксиса. Развитие предлогов в древнерусском языке с XI по ХУП вв. больше заключалось в поступательном вытеснении беспредложных конструкций предложными, чем в семантическом изменении значений. Изменения происходили в сфере отвлеченных значений и частных употреблений, в постепенных заменах беспредложных конструкций предложными, в переходе некоторых значений из одного синонимического предлога в другой (ср. значения предлогов "в" и "на" и т.д.). В целом же лексико-семантическая система предлогов как первичных простых, так и наречных типа *близ*, *среди*, *мимо* и т.п., коренных изменений не претерпела. Усиливающаяся аналитичность ряда предлогов, превращавшая их в глагольные префиксы, шла как бы параллельно существованию их в качестве предлогов. Среди предлогов можно назвать лишь единицы, которые стали префиксами, перестав быть предлогами (например, *в о з* (*въ зъ*). Вследствие сравнительной незначительности семантических изменений предлогов в течение веков, при подаче их в исторических словарях русского языка вполне можно использовать типы предложных описаний полных словарей современного русского языка, конечно учитывая при этом особенности данных исторических эпох и наличие изменений позже ХУП в.

Предлоги имеют собственное лексическое значение. Собственное значение предлога слишком обще. Это скорее представление, чем значение: "в" мы связываем, например, с внутренностью (чего-л.); "из" - наоборот, изнутри; "до" - с пределом и т.д., т.е. с тем основным, из чего развилась исторически вся остальная семантика предлога уже в процессе осуществления его грамматических связей. Предлог в русском языке призван осуществлять связи между словами предложения. В первую очередь он вступает в связь с именем, объектом, падежом которого управляет. Выбирая падеж, значение которого соответствует его собственному общему значению, предлог усиливает значение падежа и неразрывно с ним начинает семантически конкретизироваться. Вот почему в словарях лексикографическое описание значения следует

начинать со слов: употребляется для обозначения... (или сокращенно: для обозначения), употребляется при обозначении..., для указания (на)..., указывает на... и т.д.

С другой стороны, предлог вступает в тесную связь с действием, являясь посредником между объектом и действием. Эта связь взаимно обусловлена: действие (выраженное глаголом, причастием или какой-л. другой частью речи) дает направление падежу объекта (выраженного существительным, местоимением и т.д.); предлог, усиливая значение падежа своим значением в управлении им, в то же время требует определенного действия (глагола и т.д.). С этим сложным лексико-грамматическим взаимодействием предлога в предложении связан второй этап конкретизации его значения, вернее, значения его связей, в которых выражена его служебная роль. Лексикографически поэтому она может быть выражена через объект к действию, а не наоборот, через действие к объекту. Выражение ее через действие к объекту противоречило бы самой природе предлога, поскольку предлог прежде всего связан с падежом объекта: 'для обозначения объекта, который совершает какое-л. действие, или находится в каком-л. отношении к действию'. Исключение могут представлять лишь нерасчлененные предложные словосочетания, в которых семантика предлога вытекает из смысла всего словосочетания в целом. Вытекая из двойственной природы предлога, определения его значений в толковых словарях вынуждены носить в себе двойственный характер лексико-gramматический. Семантика предлога в толковом словаре может быть раскрыта путем сложного синтеза лексико-gramматических абстракций, поскольку сам предлог является формальной категорией. Например, управляемое предлогом падежное слово называется в словарных описаниях: объектом, существительным, лицом, предметом, явлением, понятием, обстоятельством, состоянием, действием и т.д.; действие, связанное с предлогом – действием, глаголом, состоянием и т.д. Определения семем тоже носят в себе характер лексико-gramматических обобщений: пространства (места), времени,

направления действия, причины, цели, образа, способа действия и т.д.

Описание предлога только грамматически не пригодно для словаря. Один синтаксис не раскрывает семантики предлога, и даже иногда противоречит ей. Таким образом, семантическая система предлогов тоже двойственна.

Имеют ли предлоги переносные значения? В последнее время наличие переносности у предлогов все чаще ставится под сомнение. Очевидно, предлог переносных значений все-таки не имеет, поскольку переносные значения зависят от смысла контекста, иногда большего, чем контекст одного предложения; между тем значение предлога раскрывается в сложном синтезе грамматических и лексических абстракций (обобщений) его основных связей, объекта (существительного и т.д.) и действия (глагола и т.д.), а не просто в смысле контекста. Переносное значение в качестве смысловой вещественной категории противоречит лексико-грамматической абстрактности русского предлога. Мы придерживаемся традиционной точки зрения о необходимости раздельной подачи в словарях падежности предлога, управляющего двумя-тремя падежами. Управление падежом не является чисто грамматической функцией предлога, оно неразрывно связано с его лексико-семантическим употреблением. Каждый предлог с определенным падежом имеет свою семантическую специфику. Если эта специфика не проявляется в значении (хотя некоторая разница все равно ощущается), то она проявляется в его оттенках. Словарь обязан отразить и эту двойственность предлога, которая снова отличает его от полнозначного слова. Глагольное (сильное) управление нами рассматривается как вторичное, обратное влияние глагола на предлог, в результате которого сам глагол нередко изменяет свою семантику и становится вместе с предлогом словосочетанием. Поэтому глагольное управление следует помещать в словарных статьях на глагол, а не на предлог. Фразеологические словосочетания и синтаксические конструкции с предлогами лексикографически удобнее давать в статьях на полно-

значение слова. Исключение могут представлять лишь сугубо предложные конструкции типа "от ... до".

В.Л.Карпова

Словосочетание как объект исторической лексикографии

1. Остро дискуссионный в настоящее время вопрос о том, зависит ли значение слова от его сочетаемости с другими словами или, наоборот, сочетаемость слова предопределяется его семантической потенцией, для лексикографии, в особенности исторической, имеет не только теоретическое значение. В лексикографической практике издавна (на материале славянских языков - уже более трехсот лет) наряду с объяснением отдельных слов применяется также объяснение выражений, состоящих из двух и более лексических компонентов. Прежние филологические словари рассматривали в первую очередь те словосочетания, смысл которых выходил за пределы суммы значений их компонентов. Большинство современных языковедов считает, что в переводных, толковых, терминологических, фразеологических и некоторых других видах словарей следует впредь рассматривать словосочетания, семантически эквивалентные слову и способные выступать в роли члена предложения.

Вместе с тем к современной лексикографии предъявляется и требование шире иллюстрировать лексическую сочетаемость слов. Это в свою очередь требует предварительного исследования изменчивости лексико-фразеологической "валентности" отдельных слов, а также изучения изменений, связанных с конкретными историческими условиями функционирования и развития языковой системы в целом. Неоцененный материал для такого рода исследований должны дать именно исторические словари.

2. Выделение словосочетаний, эквивалентных слову, в историческом словаре гораздо сложнее, чем в словарях современного языка. Языковая и стилистическая ограниченность памятни-

нов украинского языка XIV-XV вв., представленных почти исключительно деловыми документами, часто не позволяет установить степень семантической мотивированности и членности многих групп словосочетаний. Вместе с тем памятники украинского языка XIV-XV вв. заключают в себе богатейший материал для изучения различных типов устойчивых словосочетаний с незначительной или даже нулевой семантической трансформацией. (Не случайно в исследованиях по истории лексики славянских языков термин фразеология, фразеологизм, фразеологическое словосочетание в последнее десятилетие уступают место определениям типа устойчивые сочетания слов, устойчивые словесные комплексы, *ustálená slovní spojení* , традиционные словосочетания и под.) Эти словосочетания интересны не только с точки зрения их семантической структуры и особенностей синтаксического строения, но и как источник для познания многих реалий, понятий, явлений и обычаяев, относящихся к отдаленной исторической эпохе. Инвентаризация этих языковых единиц дает ценные сведения не только для языковедов, но и для более широкого круга специалистов-историков материальной и духовной культуры, которые смогут использовать исторический словарь как способ для интерпретации конкретных текстов. Но это порождает и проблемы сугубо лексикографического характера, связанные с необходимостью дополнительной экстралингвистической характеристики языковых единиц. Таковой является, в частности, и проблема лексикографической разработки словосочетаний – топонимов. (Словарь украинского языка XIV-XV вв. включает в общий словарник имена собственные – антропонимы и топонимы. Антропоними, даже многокомпонентные, решено было давать в расчененном виде.)

3. В зависимости от характера и масштаба обозначаемого объекта словосочетания – топонимы оформлялись как самостоятельные заглавные единицы (названия государств, городов, сел, крупных рек); как фиксированные сочетания, которые рассматривались в словарной статье одного из компонентов (названия некоторых мелких населенных пунктов, неболь-

ных рек, уголь и другие микротопонимы); как свободные словосочетания, не подлежащие инвентаризации. При этом инвентаризовались только словосочетания – топонимы типа Былый город, Бахлуй великий (река), Былье береги (село), Марковъ ставъ (село), песчаный бродъ, виноградная гора, лилова долина (микротопонимы), т.е. назгания, состоящие из имени существительного и согласованного с ним определения – кменя прилагательного. Другие типы сложных топонимов, представленные в памятниках, как существительное plus определение, выраженное существительным в род. или дат. падеже (крыница от Холмъ, монастырь от Нымца, мостъ Драгумира, дворъ Крецъва), а также описательные конструкции (дорога, що идет от Дубисч до Своза; село, где есть попъ Иванъ) квалифицировались как свободные сочетания слов. Таким образом, исследователи топонимики найдут в словаре информацию только о некоторой части засвидетельствованных в памятниках топонимов, а не о их системе в целом. Но даже такая частичная дополнительная экстралингвистическая информация потеснила на второй план информацию о семантике некоторых слов. Парадоксально, но факт: выделяя, напр., словосочетание д е р е ч и нъ г а й о къ в качестве названия небольшого леса, составители исходили из того, что г а й, г а й о къ обозначает 'небольшой лес' (и, конечно, из контекста, подтверждавшего, что в данном случае выполняемая словом функция соответствует его значению). Но, фиксируя данное словосочетание, составители словаря тем самым лишали себя права информировать читателя, что слово г а й о къ имеет значение 'небольшой лес'. Эта информация осуществляется косвенно – в ремарке, указывающей на тип обозначаемого топонимом объекта. Если же в состав топонима входит определение – имя прилагательное (круглая дуброва, глубокая долина, дѣль сльнъ, крыница солодка и под.), для информации о его семантике не остается и косвенной возможности. Между тем вряд ли подлежит сомнению факт семантической связи прилагательных круглый, солодкий и др. с соответствующими апеллятивами, хотя мотивы выделения тех или иных признаков,

отличающих данный топонимический объект от других, могут быть и не всегда нам понятны (например долина, болото кривое, т.е. 'несправедливое' и под.).

4. В словаре толково-переводного типа традиция обоснованно не разрешает трактовать элементы словосочетания, а тем более – имени собственного – как полнозначные слова. В тех случаях, когда имеющиеся в распоряжении авторов исторического словаря материалы позволяют дать семантическую характеристику имени нарицательного – названия какого-либо типа топонимических объектов (долина, дуброва, лесь, мость и др.), фиксация словосочетаний – имен собственных, в состав которых входит данный апеллятив, удачно дополняет информацию о семантике этого слова, сигнализируя хотя бы о некоторых тенденциях его выборочной сочетаемости, если же апеллятив встречается только в составе такого словосочетания (а при жанровой ограниченности источников словаря это случается отнюдь не редко), значение апеллятива остается нераскрытым.

Именно поэтому в нашем словаре оказались зафиксированными, но не объясненными апеллятивы гайок, горбъ, курганъ, нивка, ровъ, бѣлый, круглый, каменный, клиноватый, крутый, кривый, песчаный, солодкий, сльнь, студеный, мохнатый, ворловый, орлик, соколик, мѣдвій и многие другие.

5. Альтернатива – или семантика слова, или его сочетаемость – возникает в историческом словаре в связи с выделением не только сложных топонимических названий, но и некоторых других семантико-структурных типов словосочетаний, компоненты которых не зафиксированы в иных комбинациях. В практике составления исторического словаря возникают и другие проблемы, порождаемые противоречием между понятным стремлением "выжать" из языкового материала памятников письменности максимум разнообразной (и не только лингвистической) информации и необходимостью единой лексико-графической обработки именно языковых единиц, требующей в первую очередь рассмотрения их семантики. Составители исторического словаря украинского языка ХІУ–ХУ вв. выработа-

ли специальную, нестандартную, довольно гибкую и способную объединять многие разнонаправленные задачи, систему средств лексикографического оформления материала. Главное место в этой системе занимает надлежащим образом и отдельно для каждого семантико-структурного типа словосочетаний обоснованное сочетание средств собственно языковой и экстраминглистической характеристики.

6. Опыт подсказал, однако, что в некоторых случаях правильнее отступать от канонизированной лексикографической альтернативы – или значение или сочетаемость слова. Исходя из того, что исторический словарь, хотя и рассчитанный на широкий круг специалистов, является историческим прежде всего в филологическом плане, необходимо объединить оба способа лексикографической характеристики слова и в некоторых из тех случаев, когда оно засвидетельствовано только в составе словосочетания. Такой "гибридный" метод лексикографической разработки, представленный, например, в статье п а м ъ т ь, применен, конечно, только к словосочетаниям, компоненты которых не подверглись полной семантической трансформации. Впрочем, в последнем случае такие языковые образования и рассматриваются не как словосочетания, а как раздельно оформленные, но неделимые единицы (великъ день 'пасха').

О.А.Черепанова

Варианты слов в лексической системе одного автора,
их лексикографическая обработка (на материале
Бития Стефана Пермского, написанного Епифанием
Премудрым)

I. Вариативные возможности языка являются отражением присущей языку асимметрии плана содержания и плана выражения языкового знака. Эта асимметрия возникает в процессе эволюции языкового феномена, в результате чего переход от старого качества к новому языковое явление осуществляет,

как правило, через стадию варианта. На различных этапах своего развития язык обладает разной степенью вариативности. Русский литературно-письменный язык (в его различных функционально-стилистических разновидностях) в XIV-XVI вв. имел огромное количество вариантов на лексическом и лексико-словообразовательном уровнях, превосходящее количество варьирующихся единиц в языке предшествующих эпох.

2. Следует учитывать, что общелингвистическое понимание варьирования как выражения одного содержания различными средствами (и в этом плане синонимия оказывается разновидностью такого варьирования) существенно отличается от оценки варьирования в описательно-нормативных и лексико-графических целях.

3. В историческом аспекте ведущим направлением в изучении вариантов является описание варьирующихся единиц, отмеченных в различных редакциях или списках текста (Л.П.Кукоцкая, Н.Г.Михайловская, Е.М.Верещагин, А.С.Льзов и др.). Не меньший интерес может представить обследование варьирования в пределах одного памятника, одного текста, хотя выделение варьирующихся единиц в этом случае является значительно более сложным. В этом плане особый интерес представляет *Итие Стефана Пермского*, написанного Епифанием Примурским (ум. ок. 1420 г.), где: а) сближение и разнообразие варьирующихся единиц обусловлено особенностями панегирического стиля "плетения словес", следовательно варьирование обнаруживается в пределах относительно замкнутой системы; б) варьирование имеет не стихийный, а четко выраженный целенаправленный характер; в) варьирование лежит в пределах нормы соответствующего периода.

4. Богатые вариативные возможности языка Епифания Примурского отражают заключительный этап активного формирования и видоизменения церковнославянского языка на восточнославянской почве, предшествующий начавшейся далее ломке и "порче" церковно-славянского языка и превращению его в функционально-стилистическую разновидность, "высокий

стиль" русского литературного языка.

5. **Хитие** Стефана Пермского дает возможность рассматривать варианты слов, имеющих различия на фонетическом, словообразовательном, грамматическом уровнях (хитие - хитье - хить, крещание - крещение, обоямо - обойду, облазна - облазна, верда - вредъ, всемогий - всемогущий и под.), а также лексическое варьирование (стец - батка, велми - зъло, вняти - услышати - вчушити и под.). По изд.: Слово о Хитии и учении святого отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа. - Памятники старинной литературы, вып.4, СПб. 1862).

6. Средства варьирования в языке Елифания Премудрого неоднородны с точки зрения своей информативности: а) Отсутствует как логическая, так и эмоционально-оценочная информативность варианта (то все събравъ въ едину к ущу съкладе и огнемъ предаст я... обое сгораше огнемъ - и к уча съ кунцами и кумиръ вкупе съ ними. с.196; началь еси паствите стадо и овоукое, стадо и овоученое. с.161 и под.). В подобных случаях цель варьирования - упрощение контакта информант - реципиент, усиленное психологическое воздействие первого на второго, что является одной из основ философско-литературной концепции Елифания Премудрого; б) Варьирующиеся единицы несут минимальную логическую информативность (изучися языку пермьскому. с.122, обучи извиче. с.121; научился вльшениимъ.с.145). Но и в подобных случаях учитывается задача психологического воздействия; в) Информативность имеет эмоционально-оценочный характер (молитва - молбище); г) Несмотря на относительно замкнутый и нормативный характер стилистической системы Елифания Премудрого не все варьирующиеся единицы воспринимались современниками как в равной мере синхронные. Следовательно, ряд варьирующихся единиц кесет в себе культурно-историческую информативность (уста - устьѣ, младенъц - младеницъ, число - чисмя и под.). Традиционность языка Елифания обеспечивает возможность параллельного употребления им как вариантов единиц, утрачивавших или уже утративших в этот период семантическую идентичность (тягость - тяжесть - тягота, проповеда-

ти – исповедати и под.).

7. Лексикографическая обработка вариантов слов должна быть различной в зависимости от типа словаря. Исторический словарь общего типа, в соответствии с существующей лексикографической традицией, должен помещать в одной словарной статье лишь варианты строго ограниченного типа (орфографические, фонетические, некоторые грамматические, например, разнородовые образования). Если картотека фиксирует вариантность лишь до определенного времени, то необходима хронологизация варианта в словарной статье (например, образъ и образна – до XVI в.). Словообразовательные варианты должны быть указаны отсылкой. В историческом словаре специального типа (например, словарь языка Елифания Премудрого)арьирование должно быть представлено предельно широко вплоть до отражения лексическогоарьирования.

З.Г. Шимчук

О потенциальных и окказиональных словах в исторических словарях

1. В настоящее время, в связи с успехами лексикографической работы в области древнерусских словарей и достижениями в изучении древнерусского исторического словообразования, представляется правомерной попытка рассмотреть место потенциального и окказионального слова в исторической лексикологии и лексикографии.

2. Г.О. Винокур называл потенциальным "слово, которого фактически нет, но которое могло бы быть, если бы того захотела историческая случайность". Исследователи современного языка, различая потенциальное и окказиональное слово по признаку регулярности – нерегулярности образования (среди других, дополнительных признаков называется отсутствие – наличие автора, конкретного творца, а также особая экспрессивность нерегулярного образования),

указывают, что они сближаются по отрицательному признаку – отсутствии устойчивого "отработанного" лексического значения (Е.А.Земская, Э.И.Ханпира, А.Г.Лыков).

3. Особый характер воспроизведимости древнерусского книжно-письменного языка, в котором каждое слово и даже каждое употребление слова является каноническим, принципиальная несущественность для него авторского, личностного начала определяют предпочтительность для исторической лексикологии противопоставлений каноническое – потенциальное слово; каноническое – историческое устойчивое, лексически закрепленное, потенциальное – представленное единичным употреблением, не закрепленным речевой практикой (одновременными и более поздними текстами), то есть исторически "несостоявшееся" слово. Таким образом, критерий разграничения новообразований той или иной эпохи (по отношению к которым в первую очередь требуется практически реализовать указанное различие) является наличие – отсутствие языкового результата, продолжения в диахронии.

4. В связи с особенностями воспроизведимости и функционирования древнерусского слова противопоставление regularных – нерегулярных лексических образований для исторической лексикологии древнерусского языка не является существенным.

5. Историческая устойчивость и лексическая закрепленность некоторого древнеписьменного производного может быть установлена по следующим признакам: а) частотности его употребления или, при единичности древнейшей письменной фиксации, наличию хотя бы одного такого полного соответствия в позднейшие эпохи, которое с достаточным основанием может быть интерпретировано как его генетическое продолжение; б) наличию у него собственных производных (одновременных или хронологически более поздних).

На противоположном полюсе – среди производных, отрица-

тельно охарактеризованных по всем перечисленным признакам, — окажутся потенциальные слова. Впрочем, достаточно очевидно, что неполнота текстов, имеющихся в распоряжении исследователя, и возможность введения в научный оборот новых материалов предопределяют вероятностный характер многих решений.

6. Анализ ряда отлагольных и отменинных производных на -ньникъ и многокомпонентных именных сложений (по материалам картотеки ДРС и словаря И.И.Срезневского) позволил выделить определенное количество потенциальных и окказиональных слов.

Следует подчеркнуть, что иногда неединственность употребления слова, образованного по продуктивному типу, оказывается минимой, ибо каждое употребление является результатом независимого параллельного воспроизведения одного и того же типа с различным "одноразовым" семантическим пополнением.

По нашим наблюдениям, у многозначных слов, засвидетельствованных разнообразными употреблениями, при последовательном разграничении разновременных и разножанровых употреблений, могут быть обнаружены потенциальные значения.

7. Выделение потенциальных и окказиональных лексических образований — весьма трудоемкая задача, которая — для каждого отдельного слова — требует исчерпывающего обследования родственных слов и всего ряда однотипных (в словообразовательном отношении) единиц.

Поэтому понятна практика подготавливаемых в настоящее время исторических словарей (являющихся словарями памятников и стремящихся представить максимально разнообразные не только собственно лексические, но и словообразовательные, грамматические, а в некоторых случаях — даже историко-культурные данные): включая потенциальные и окказиональные слова в свой словарь, эти словари не снабжают их специальными пометами. Думается, такая задача может быть поставлена только перед собственно историческим — в смысле Л.В.Щербы — словарем.

Подписано к печати 19/У1-75 г. А-02106
Объем 5,25 п.л. Тир. 500 экз. Зак. 268
Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

66275RU